

Фантастика

Автор:

[Борис Акунин](#)

Фантастика

Борис Акунин

Жанры #3

10 мая 1980 года в Подмосковье произошла страшная автокатастрофа. Разбился автобус; погибли все, кроме двух подростков. За секунду до трагедии они увидели перед машиной столб белого света. И обрели уникальный дар: один стал телепатом, второй приобрел невероятную скорость и невиданную силу. И 10 лет спустя, в августе 1991-го эти таланты пригодились...

Борис Акунин

Фантастика

I. Дар случайный

Глава первая

Авария областного значения

Случись это десятилетием позже, в охочие до «чернушных» новостей капиталистические времена, о трагедии непременно сообщили бы все газеты и телеканалы. Но советские средства массовой информации не имели обыкновения расстраивать граждан по пустякам. По количеству жертв ЧП попадало в разряд «аварий областного значения», поэтому программа «Время» и главные органы печати о ней умолчали. Из центральных газет лишь еженедельник ГАИ «За безопасность движения» поместил на последней странице, в рубрике «Сводка ДТП», коротенькое сообщение.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, БАСМАНОВСКИЙ РАЙОН.

10 мая. На 2 км Колиногорского шоссе рейсовый автобус, не вписавшись в поворот, врезался в препятствие. Имеются человеческие жертвы. Расследованием установлено, что авария произошла вследствие грубой ошибки водителя, не справившегося с управлением.

В областном «Ленинском знамени», по специальному решению бюро обкома, дали десять строк петитом. Правда, с заголовком.

Больше внимания подготовке кадров

На собрании партхозактива треста «Мособлбщавтотранс» рассмотрен вопрос о недавней аварии пригородного автобуса маршрута № 685 (Звенигород – ж.-д. станция Перхушково), приведшей к человеческим жертвам. Коммунисты потребовали от руководства треста принять меры для повышения уровня профессиональной подготовки шоферского состава. Решено провести месячник безопасности движения на всех маршрутах.

И лишь районная «Басмановская правда» напечатала более или менее подробный отчет о случившемся. Иначе было нельзя, потому что о происшествии говорил весь район, да еще и плели всякую чушь: будто автобус на полном ходу врезался в колонну краснознаменной Таманской дивизии, расшибся о стальную броню и погибло чуть не сто пассажиров.

Чтобы в корне пресечь слухи, бросающие тень на гвардейцев-танкистов (которые действительно в тот день проводили маневры, однако в совершенно другом квадрате), редакция приняла смелое решение – выделила под общественно острый материал целых полколонки на второй полосе. Задумка была сместить акцент с негатива на позитив, чтоб статья, несмотря на трагичность содержания, прозвучала не пессимистично, а жизнеутверждающе.

И ведь получилось.

Родились в рубашке

Майский вечер был свеж и ясен, над берегами Москвы-реки стелился легкий, невесомый туман. Погожий денек подходил к концу, в окнах деревенских домов и дач зажглись уютные огоньки. Ничто не предвещало беды.

Трудяга-автобус пылил по Колиной Горе в сторону Рублево-Успенского шоссе. Народу в салоне было немного – в субботу основной пассажиропоток, как известно, направляется из столицы в область, а не наоборот.

Сосны знаменитого поселка деятелей науки и искусства мирно шумели над пустынным шоссе, навевая дремоту. Спала природа, спал сосновый бор, клевали носом пассажиры. Как знать, быть может, и 38-летний Ш., водитель автобуса, на миг задремал за рулем. Так или иначе, произошло непоправимое. На крутом повороте многотонную массу вынесло на встречную полосу...

Специалисты попытались восстановить картину произошедшего. Судя по тормозному пути, этому траурному росчерку, оставшемуся на асфальте, машину повело сначала влево, потом резко бросило вправо.

Вот реконструкция случившегося по версии штаба расследования, куда вошли опытные следователи прокуратуры и сотрудники автоинспекции.

Трагедия произошла вследствие рокового совпадения двух факторов. Во-первых, из-за несобранности водителя, который, пытаясь удержаться на полотне дороги, был вынужден прибегнуть к экстренному торможению. Во-вторых, из-за лежащего поперек дороги бревна. Заблокированные передние колеса наехали

на препятствие, отчего автобус буквально вздыбился, встал на попу и сам себя раздавил собственной тяжестью. Правда, бревно обнаружено не на дороге, а в пятнадцати метрах от места происшествия, в кювете, но эксперты полагают, что оно было отброшено туда силой удара.

Все 19 человек, находившиеся в искореженном автобусе, неминуемо должны были погибнуть. Но случилось настоящее чудо! Двое юных пассажиров, занимавших заднее сиденье, десятиклассник Р. и учащийся техникума С., уцелели. Не просто выжили, а именно уцелели! Оба паренька, конечно, находятся в состоянии нервного шока, но врачи нашей районной больницы имени Семашко уже провели всестороннее обследование и уверенно заявляют, что серьезных повреждений нет. В стародавние времена про таких счастливцев сказали бы «в рубашке родились». А мы скажем иначе: «Ребята, вы всё равно что родились заново. У вас впереди большая, интересная жизнь. Проживите ее достойно».

Корреспондент ничего не наврал и не напутал – добросовестно изложил всё, что выяснил в штабе расследования. Кроме, пожалуй, одного второстепенного обстоятельства, которое лишь заморочило бы читателей голову. Дело в том, что по поводу пресловутого бревна у экспертов имелись серьезные сомнения. Во-первых, оно было целехонько, ни вмятинки, а во-вторых, судя по слою пыли, провалялось в кювете по меньшей мере несколько часов. Однако никакой другой мало-мальски убедительной версии следственная группа выработать не сумела, а начальство, как водится, торопило с заключением, поэтому вина за «дорожно-транспортное происшествие, повлекшее за собой смерть двух или более лиц», была возложена на безгласное бревно и на столь же безответного водителя Ш., чьи изуродованные останки к тому времени уже покоились на басмановском кладбище.

Так никто и не узнал, что на самом деле случилось вечером 10 мая 1980 года на втором километре Колиногорского шоссе.

Десятиклассник Р

Пока Роб петлял меж высоких штакетников, разыскивая сначала шоссе, а потом автобусную остановку, ему было нехолодно. Три коктейля (настоящий виски с настоящей содовой) еще не выветрились, опять же ходьба согревала. Ну и, конечно, нервы подбавляли электричества.

Роба трясло от ярости, от обиды, от мысли, что всё, в лайфе настал полный финиш, хоть в школу не ходи. А учиться оставалось целых три недели, и потом еще экзамены. Руки на себя наложить, что ли? Нет, в натуре. Всё равно жизнь кончена, после такого-то позора. Хоть выпускной вечер им, подонкам, испортить. Поназаказывали предкам итальянских костюмов, понашили платьев у Славы Зайцева. В черненьком походите, а кое-кто, может, и всплакнет, мстительно думал Роб, всматриваясь в ржавое расписание. Последний автобус в 22.45, сейчас без двадцати одиннадцать. Хоть с этим повезло.

Однако полчаса спустя стало ясно, что расписание лажовое, к объективной реальности отношения не имеет. Последний автобус то ли проскочил раньше, то ли его вообще отменили.

Роб неуверенно попробовал голосовать – большим пальцем, по-западному, но машин было мало, и ни одна, конечно, не остановилась. А потом дорога вообще вымерла. Сверху сосны и черное небо, вокруг глухие серые заборы. И холодно, факинг шит, до чего же холодно!

Он стучал зубами под разбитым фонарем, всхлипывал, бормотал ругательства – по-русски и по-английски.

Дурацкая, нелепая ситуёвина, совершенно в духе всей его стрёмной лайфстори. Вернуться на дачу? Ни за что, лучше околеть от холода. Двинуть пешедралом? Это на минуточку 25 кэмэ, до Кольцевой. Денег в кармане пятьдесят копеек, а задарма хрен кто подвезет, чай не Калифорния.

Тут он покраснел от злости, вспомнив, как потратил заветную пятерку. Два месяца в буфете не завтракал, деньги копил. Думал выпендриться перед Регинкой, купил венгерский джин «Марина» за 4.50. А Регинка только нос сморщила, у нее на столе красовалась сплошная фирма из валютной «Березки»: и «бифитер», и виски «тичерс», и даже яичный ликер «адвокат». Венгерское пойло она по-тихому убрала, а Роб сделал вид, будто этого не заметил.

– Нечего было соваться с кувшинным рылом, драгоценный Роберт Лукич, – сказал он вслух.

По имени-отчеству Роб обращался к себе только в минуты особенно лютого самоедства. Роберт Лукич! Комбинейшн не для слабонервных. Уже за одно это следовало бы лишить предков родительских прав.

Фамилия-то Робу досталась неплохая, даже звучная: Дарновский. Что дед назвал фазера «Лукой», в общем, тоже понятно. Старикан был из духовного сословия, что возьмешь с бывшего попа? Но папаша, байдарочник фигов! Но мамхен, работница культуры! Какие ослиные мозги надо иметь, чтобы назвать сына «Робертом»? Это у них, дебильных шестидесятников, поэт Рождественский был заместо ясного солнышка. Матушка и сейчас, бывает, как закатиет глаза, как заведет: «Я жизнь люблю безбожно, хоть знаю наперед, что рано или поздно настанет мой черед!» Бе-е, блевать охота.

Роберт Лукич Дарновский, каково? Обхохочешься.

Пока молодой – ладно, но как жить, когда войдешь в возраст? Слава богу, будет это нескоро, лет через двадцать. Может, к тому времени дурацкий обычай называть человека по имени-отчеству отомрет, и станет у нас, как в Америке: просто Роберт Дарновский. А еще лучше Роб или Робби. Вон у штатников президент Картер – Джимми и всё, а не Джеймс Лукич или как там его по батюшке.

Позорная курточка из плащовки не грела, а лишь противно шуршала, и Роб обратил весь человеконенавистнический пыл на своего геройского родителя, потому что куртец покупал именно он. Типа подарок на день рождения. Видел Роб эти выдающиеся произведения отечественного легкопрома в магазине уцененных товаров, цена им 14 рублей. Оно конечно, зарплата у старшего инженера паршивая, плюс мазеру алименты, да двух новых киндеров себе настругал. Только лучше бы ничего не дарил. Или выдал деньгами. Да ну его, урод. Это из-за фазера жизнь Роба превратилась в сплошное унижение. Учился бы в нормальной школе, с детьми обыкновенных родителей, чувствовал бы себя не хуже прочих. На беду, во дворе их дома находилась знаменитая 12-я спецшкола, куда абы кого не принимали, но папаня разузнал, что существует какая-то квота для детей микрорайона, дошустрился аж до ГОРОНО и пристроил-таки сына в пижонское учебное заведение. «Пускай мальчик учит язык, в жизни пригодится».

Таких, как Роб, принятых по квоте, в классе называли «туземцами». «Туземцы» жили не в отдельных квартирах, а в коммуналках, ели не домашние сэндвичи с сервелатом, а школьные завтраки, летом ездили не к парентам в Вашингтон или Токио, а в пионерлагерь. После восьмилетки всех их на хрен выперли в обычную школу, потому что в 12-й разукрупняли классы. Уцелели только двое: Шилов, у которого отец инвалид войны, и Дарновский, круглый отличник.

Счастливая юность у Роба протекала следующим макаром. Вставал он в шесть, потому что до школы из Новогиреева, где мамхену отслюнили квартиру в девятиэтажке, было полтора часа езды. Сидел на первой парте, усердно скрипел шариковой ручкой за 35 копеек – во всем классе такими писали только он да Шилов, остальные всё больше «паркерами». Когда никто на него не смотрел (то есть почти всегда), исподтишка косился на Регинку Кирпиченко, подругу романтических и эротических грез. Та о грезах, конечно, не догадывалась, потому что была красавица, дипломатическая дочка и вообще существовала в пространстве, которое с панельно-блочным Новогиреевым никак не пересекалось.

Всего один разок попал Роб в ее волшебное зазеркалье, и каким же обломом всё закончилось!

Он всхлипнул, поперхнулся холодным воздухом, закашлялся. Из груди донеслось жалобное клокотание, и Роб подумал: отлично, воспаление легких, проболую до конца учебного года, а потом только экзамены сдать и привет, на выпускном как-нибудь без меня перетопчетесь.

Однако не ночевать же тут было, на этой факаной остановке. Еще в самом деле околеешь. Как собака под забором.

Он вжал голову в плечи, согнул руки в локтях и затрусил вперед по дороге. Хоть до поворота на Рублево-Успенское шоссе добраться. Может, все-таки подвезет кто-нибудь до Москвы за полтинник. Нет, за сорок пять копеек – пятак надо на метро оставить.

Отбежал на сотню метров, и вдруг сзади донеслось пофыркивание мотора. Оглянулся – из-за угла сначала выскользнул свет фар, потом вынырнула серая прямоугольная туша.

Неужели автобус приехал? «Чтоб их подобрать, потерпевших в ночи крушенье, крушенье», как поет мамхенов Окуджава?

Роб припустил со всех ног назад к бетонному козырьку, да еще руками замахал. Вдруг не остановится?

Но автобус затормозил. Устало вздохнув типа «как же вы все меня достали», открыл двери.

Еще не веря неожиданной удаче, Роб вскарабкался по ступенькам.

В салоне горел тусклый свет, орало радио (в московском общественном транспорте такого никогда не бывает), за стеклом позевывал водитель.

– Оплачиваем проезд, – прогудел динамик, заглушив бубнеж радиопередачи. – Десять копеек.

Роб кинул в кассу гривенник, оторвал два пятикопеечных билетика.

Куда бы приткнуться?

Пипла в автобусе было немного. Все как один дрыхли, развалившись на сиденьях – кто вдвоем, кто сам по себе. Жаться не хотелось, и Роб двинулся по проходу, высматривая свободное место, чтоб без соседа.

Так и добрался до самого хвоста. На заднем сиденье, правда, тоже сидел какой-то парень, но в самом углу, а диванчик был длинный, поэтому Роб примостился с противоположной стороны. Заворочался, устраиваясь поудобнее.

Перед тем как повернуться к окну, покосился на парня, но разглядел лишь темный, угрюмый профиль и надвинутую на глаза кепку бренда «трудное детство».

Учащийся техникума С

Наверно, сунуть надо было – чирик, а то и двадцатипятирублевку, мрачно размышлял Серый. Тогда и койка бы нашлась. Только где такие бабки возьмешь? Стипуха двадцать два пятьдесят в месяц, и ту всю Рожнов отбирает.

Квакнулась общага, это ясно. А значит, год пропал попусту. Зря Серый таскался в соседний райцентр на электричке и автобусе, зря просиживал портки на занятиях, зря горбатился на практике в гараже. В гробу он видал этот Автомеханический техникум, поступил-то только ради общаги – обещали дать место после первого курса. Чтоб не жить дома, не любоваться каждый день на суку Рожнова.

«Напряженка с местами, – сказал завхоз, – может, к зиме чего-ничего проклюнется. Ты, Дронов, давай, захаживай». А сам улыбится, гад. Точно, на взятку напрашивался. Есть в общежитии койка, после третьекурсника освободилась, которого за пьянку выперли.

Есть, нету, какая разница. Главное, что не дали.

Это что же, еще полгода с Рожновым жить? Лучше сдохнуть. Пацаны говорили, если в военкомат заявление подать, могут в армию с семнадцати лет взять, добровольцем. Вот бы зыконско было. Но и до семнадцати еще надо дожить (день рождения у Серого был только в сентябре).

Хуже всего, что утром, уезжая в техникум, он думал – всё, с концами, больше сюда не вернется. И Рожнову, который третий день пил дома, брякнул напоследок: «Гляди, гнида. Будешь мать бить – урою». Тот зарычал, качнулся с кушетки – опухший весь, морда красная. «Чего ты сказал, секельдявка?!» И захлебнулся матерщиной. Но Серый уже хлопнул дверью, летел вниз по лестнице через две ступеньки. Знал, что отчим спяну не догонит.

Но и не забудет. Рожнов, сколько бы ни выпил, памяти никогда не терял. Был он злющий, как волчара, жилистый. В молодости отсидел два года за убийство по неосторожности – стукнул одного в драке, тот приложился затылком о бровку, и карачун. Этот подвиг и последующая отсидка стали для Рожнова главным жизненным событием. Все рассказы про зону, песни оттуда же. И порядки дома тоже завел лагерные. Случалось Серому и «под нарами» (то бишь под кроватью) ночевать, и целую неделю жить «опущенным» (то есть жрать не за столом, а на корточках, дырявой алюминиевой ложкой), приходилось и вовсе без харчей

сидеть – это если Рожнов в ШИЗО засадит. Сначала, гад, еще из инструкции прочтет, наизусть: «Осужденным к лишению свободы, помещенным в штрафной изолятор, запрещаются свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания, получение посылок, передач и бандеролей».

Ну а что отчим устроит за сегодняшний глупый базар, и представить было страшно. До позднего вечера Серый проторчал в техникуме, тянул время, но чему быть, того не миновать – на последнем автобусе поехал-таки назад, в Басманово, где Рожнов его уж заждался.

Хуже всего в отчине был запах. Работал он сантехником в ДЭЗе, мытье не уважал, и квартира насквозь пропиталась мерзкой, кислой вонью. Как только мамка на такого гнуса позарилась? Еще пару лет назад была она женщина как женщина, а от жизни с Рожновым превратилась в седую старуху – вечно пьяную и почти такую же, как он, грязную.

Но мать Серый не винил, ей еще хуже, чем ему доставалось. Когда трезвая, всё плачет. Из детского сада, где уборщицей работала, ее выперли да еще грозятся под суд отдать – посуды и простыней, говорят, много наворовала. А куда ей деваться? Отчиму на водку денег не добудешь – измолотит.

И он, Серый, тоже хорош. «Урою», а сам драпанул, заступник хренов. То-то Рожнов на мамке, поди, отыгрался, злобу выместил. Для разминки, пока пасынок не вернулся.

А пасынок вот он, никуда не делся, уже к Колиной Горе подъезжает. Отметелит его Рожнов так, как никогда еще не метелил, это железняк.

На остановке кто-то вошел, сел на то же сиденье, что Серый, только в другой угол. Очкарик, московский.

Любовник леди Кулаковой

В автобусе было светло, снаружи темно, поэтому Роб видел свое отражение в окне почти так же отчетливо, как в зеркале. Вид собственной физиономии

настроения не улучшил. Ублюдочные очочки фасона «доживем до понедельника», за ними маленькие глазки, прямые как палки волосы, россыпь прыщей на лбу и – горой Арарат посреди бледных равнин – монументальный носяра, наследство от армянской бабушки.

Ты урод со смехотворным именем и жалким будущим, сказал Роб своему черному отражению. Семнадцать лет, а уже полный лузер.

И в эту горькую минуту дальнейшая жизнь предстала перед ним во всей безжалостной очевидности.

Будет так. Сначала он сунется на филфак, благо в МГУ вступительные в июле. Не пройдет по баллам, потому что нет мохнатой лапы и потому что нервишки на экзаменах подведут. В августе – хенде хох – пойдет сдаваться в педагогический, куда выпускника 12-й спецшколы, конечно, примут с распростертыми. Курсе на четвертом, задроченный гормонами, женится на такой же очкастой задрыге, как он сам, причем даст она ему только после свадьбы. И потом в течение двадцати лет будет откладывать по двадцать рублей с зарплаты, копить на кооператив, как Акакий Акакиевич на шинель.

А его веселые одноклассники тем временем закончат свои МГИМО и ИСАА, разъедутся по загранкам. Лет через десять, когда Роб, сгибаясь под ветром, будет шкандыбать после работы с авоськой (в ней пакет кефира и пачка макарон), у тротуара лихо притормозит шикарная «лада», а то и «волга», оттуда высунется Петька Солнцев и заорет: «Wow, Дарновский! Робин-Бобин! И очки те же самые! Long time no see! Садись, подвезу!» И, конечно, даже не вспомнит про то, как при всех, при Регинке, втоптал одноклассника в грязь. Ведь зло помнят только обиженные, у обидчиков память короткая.

Про то, что Регина Кирпиченко устраивает сейшн на даче, в классе стало известно перед майскими. Ее предки собрались на недельку отвалить в Пицунду, а дочку оставили одну. Заключили с ней джентльменское соглашение: собирать френдов на городской квартире ни-ни, потому что там ковры, хрусталь и дорогая техника, зато кантри-хаус в ее полном распоряжении.

Роб наблюдал за охватившим класс ажиотажем (кого пригласят, кого не пригласят), как Золушка за сборами сестер на королевский бал: не то чтоб

безучастно, но безо всякой личной заинтересованности. Уж ему-то точно не светило, так что без толку было интриговать и суетиться.

И вдруг 5 мая, после классного часа по случаю дня рождения Карла Маркса, подходит к нему Регинка, смотрит своими глазами и говорит:

– Робчик, у меня десятого сейшн. На даче, с ночевкой. Если хочешь, приезжай.

Она стояла у окна вся освещенная солнцем, перетянутые синей лентой волосы сверкали и переливались, и у Роба перехватило в горле, в висках жарко застучало, а в груди, наоборот, стало холодно.

До чего же она была красивая! Даже если б фазер у нее работал не торгпредом, а дворником, все равно сутулому очкарику такая бьюти-квин никогда и ни за что бы не досталась.

Главное, она не только красивая была, но и хорошая. Он сразу догадался, чем вызвано неожиданное приглашение. Пару дней назад была городская контрольная по алгебре, а у Регинки с математикой не очень. Кинула через ряд записку: «SOS!». Роб свой первый вариант сразу бросил, наскоро решил задачи второго варианта и тем же манером переправил свернутый листок обратно. Так что не его прыщами прельстилась Регинка – захотела за контрольную отблагодарить.

– Десятого? – небрежно переспросил он. – Вроде нормально. Ладно, приеду.

И не удержал лица – просиял счастливой улыбкой.

Но когда очухался, стало жутко. Что надеть? В синей школьной форме на дачу не поедешь. Можно представить, как остальные расфуфырятся. Им-то хорошо, с их «Березками» и привозными шмотками, а у него даже джинсов нормальных нет.

И кинулся на поклон к матери, больше все равно было не к кому. Знал, что имеется у мамхена какая-никакая заначка, даром, что ли, в своей библиотеке два детских кружка по вечерам ведет.

Про фирменное тряпье втолковывать ей было без мазы – не врубилась бы. Она до сих пор джинсы называла «техасами», а кроссовки «кедами». Поэтому Роб заговорил на доступном ей языке: мол, приглашен к девочке из очень приличной семьи, не хочется выглядеть оборванцем. Намекнул и на романтические чувства.

Последнее сработало безотказно. После того как слинял фазер, Лидочка Львовна (так мать называли все ее сослуживицы) вся как-то пожухла, что называется, махнула на себя рукой. Ни волосы покрасить, ни марафет навести, а одевалась – вообще песня, причем погребальная. Но при волшебных словах «знаешь, мама, эта девочка мне так нравится...» Лидочка Львовна, как старый боевой конь при звуках трубы, тряхнула полугодовыми химическими кудряшками, сверкнула очами и запустила из любимого поэта:

– Снятся усталым спортсменам рекорды, снятся суровым поэтам слова, снятся влюбленным в огромном городе не-о-битаемые ост-рова!

– Вот-вот, – кивнул Роб. – Понимаешь, мам, там на даче все в фирме будут, с головы до ног, а я в чем приду? В трениках ха-бэ и сандалях «пионерские»?

– Всё поняла, ни о чем не беспокойся, – сказала мамхен тоном Василисы Премудрой.

По правде сказать, он не особо на нее надеялся, но Лидочка Львовна проявила чудеса материнской любви: пошла в местком, поскандалила там, покачала права и добыла талон на настоящие кроссовки «адидас», синие, с тремя белыми полосками и олимпийской символикой. Снаружи они были замшевые, внутри восхитительно упругие – Роб посмотрел, пощупал, остался доволен.

В общем, на дачу поехал в приподнятом настроении, потому что экипировался более или менее пристойно: румынская рубашка в оранжево-зеленую клетку выглядела сносно, куртку-плащовку он завязал на поясе, чтобы прикрывала неважнецкие индийские джинсы, зато шузы были супер.

Однако добравшись до соснового колиногорского парадиза, Роб быстро скис.

Во-первых, сразила дача. Он и не подозревал, что такие бывают: чтоб не шесть соток, а целый кусок леса, и окна от пола до потолка, и огромный камин, и звериные шкуры на полу.

Во-вторых, одноклассники. Все в джинсовых костюмах, в кожаных куртках, в зеркальных солнечных очках. Курят кто «кент», кто вообще «мор», щелкают пьезозажигалками.

Ну, а добил Петька Солнцев. Он прикатил последним – видно, для пушшего эффекта. Не на автобусе, как Роб, и даже не на такси, как большинство прочих, а на ярко-красном мотоцикле «ямаха». Весь в хрустящей коже, в шнурованных высоких ботинках.

Стал катать по участку девчонок, и дольше всех Регинку.

Глядя, как она держится за Петькины бока, Дарновский подумал, что если б она вот так обхватила его, Роба, и прижалась бы к спине своим шестым номером, он бы, наверно, умер от сердечного приступа.

Вечером, когда начались танцы-обжиманцы, стало видно, что Петька нацелился на хозяйку дачи всерьез. Атмосфера, как говорится, располагала. Все уже хорошо кайфанули, Витька с Милкой взасос лизались на диване, Сережка с Ленкой вообще ушли наверх (все знали, что у них давно по-взрослому), остальные щека к щеке изображали танго под сдавленный сип группы «Смоуки»:

A summer evening on Les Champs Elysees,

A secret rendez-vous they planned for days[1 - Летний вечер на Елисейских Полях, долгожданное тайное свидание... (англ.)]...

За столом, сплошь уставленным фирменными бутылками, оставались только трое: Дарновский и Петька с Регинкой. Роб сосредоточенно тянул через трубочку виски с содовой (гадость жуткая), изображал задумчивость, а сам с замиранием сердца следил за манипуляциями солнцевской руки. Она уже дважды как бы ненароком опускалась на Регинкино плечо и была мягко снята.

Третья попытка увенчалась. То ли Регинке надоело ломаться, то ли она разнежилась от музыки, но покрытая золотистыми волосками пятерня захватила плацдарм и постепенно начала его расширять: поглаживаниями, легким маневрированием, а потом и вовсе скользнула под мышку, поближе к вторичному половому признаку.

Роб наблюдал за Петькиными успехами даже не ревниво, а с унылой, безнадежной завистью.

Блондинистый красавчик, острый на язык, да разряд по дзюдо, да цековский папа, да японский мотоцикл... Не было у Роба против Солнцева ни одного шанса.

Так-таки ни одного? – пискнуло несчастное, затюканное самолюбие. А если поворожить мозгами? Если подойти к решению задачи бесстрастно, по-математически?

Интеллект напрягся на челлендж и тут же выдал подсказку: культур-мультиур. Солнцев отродясь ничего не читал, кроме «Советского спорта» и «Футбол-хоккея».

– Ну, как тебе Лоуренс с Аксеновым? – спросил Роб Регинку.

После приглашения на дачу он осмелел и предпринял осторожный демарш: дал ей почитать «Любовника леди Чаттерли» по-английски и рассказ Василия Аксенова, свой самый любимый. Комбинация была неслучайная, со смыслом.

– Лоуренс чего-то не пошел, нудновато, – охотно откликнулась Регинка. – А рассказ классный. Название клёвое – «Жаль, что вас не было с нами». И концовка супер. Как в сказке.

– Так это и есть сказка, – грустно улыбнулся Роб. – Разве ты не поняла? Главный герой не стал знаменитым, не женился на кинозвезде. Это он всё нафантазировал, от тоски и одиночества.

Сказано было правильным тоном – легким, не напрашивающимся на жалость. На Регинку, кажется, подействовало. Она посмотрела на Роба как-то по-особенному, будто увидела впервые. Слегка подалась вперед, ненароком скинув Петькину руку. У Роба внутри всё так и запело.

Нет, определенно что-то такое между ними в тот момент проскочило, какая-то вибрация, что ли.

Он небрежно, без нажима, порулил дальше:

– А «Любовника леди Чаттерли» ты зря бросила. Там вначале действительно тяжело продраться. Зато потом такие любовные сцены – вообще, крыша едет.

Петька Солнцев хоть книжек и не читал, но дураком не был – сообразил, что его оттирают. И врезал Робу по полной: и слева, и справа, и по мордасам, и ниже пояса.

Посмотрев на вальяжно, нога на ногу сидящего Дарновского, задержал взгляд на обтянутой липовым индийским денимом коленке. С деланой почтительностью протянул:

– Ого. Джинсы-то – настоящий «Мильтон», с тигром на лейбле. Поди, в «Детском мире» очередь отстоял? Поздравляю.

Перегнулся и покровительственно потрепал Роба по щеке – того аж передернуло.

Тут, как назло, еще и кассета кончилась, на веранде стало тихо. Все слышали, как Солнцев утаптывает соперника.

– А это что? Хоули шит! – Петька ткнул пальцем в горделиво выставленную кроссовку. – Настоящий «адидас»! Где достал? Говорят, во время Олимпиады всем дворникам и туалетным работникам такие выдадут бесплатно.

Но и этого ему показалось мало.

– Ну, Робин-Бобин-Барабек, ты прямо картинка из журнала «Работница», настоящий герой-любовник. – Солнцев подмигнул и сделал кулаком похабный жест. – «Любовник леди Кулаковой». Ты бы поосторожней с этим делом, а то никогда от прыщей не избавишься.

Все так и грохнули. Даже Регинка, предательница, хихикнула. А Роб только глазами хлопал, потому что подлый Петька не только ударил по самым больным местам, но еще и угадал: и про очередь за двенадцатирублевыми джинсами, и, конечно, про «это дело».

Эх, если б только не позорная растерянность, не жалко отвисшая челюсть, не прилившая к лицу кровь!

На «леди Кулакову» надо было просто скривиться – мол, фи, сэр, что за пошлость. А по поводу штанов и кроссовок ответить спокойно, с достоинством: «Петь, ты так сильно не гордился бы. Ну, купил тебе папочка бибику и кожаный комбинезончик, большое дело. Да и вообще, мужское ли это дело, о тряпках лялякать?»

Но сник Роб перед лицом прямой агрессии. Повел себя, как полный кретин: покраснел, вскочил и под всеобщий хохот выбежал вон. То есть фактически признал, что он червяк, гопник, онанист. При всех, при Регинке!

Как после этого жить? – спросил Роб у своего отражения. Оно по-мефистофельски скривилось, заколыхалось – это машину качнуло на ухабе.

По радио вялый интеллигентский голос нудил какую-то рифмованную тягомотину, из Пушкина что ли.

Автобус снизил скорость на повороте, потом ни с того ни с сего вдруг вильнул в сторону, да так резко, что Роб приложился лбом об стекло.

К группенфюреру

Серый дернулся от неожиданной, шальной мысли.

А если самого Рожнова отметить?

Ясное дело, не в одиночку.

Если Мюллера попросить, а?

А чего. Что Рожнов срок мотал, это Мюллеру по фигу, он и сам в колонии отсидел.

И взрослого мужика Мюллеру уделать не штука. Особенно если вместе с пацанами из команды.

Вот на прошлой неделе случай был.

Шли они, «зонтовские», из Лесгородка по бетонке: Мюллер, Серый, Бухан и Лёха с Пищиком. Вдруг видят – «жигуль» на обочине, с московским номером, и дядька раскорячился, колесо меняет. А время к вечеру, на дороге никого.

Мюллер говорит, шепотом:

– Зольдатен, лопатник видали?

У мужика и вправду из заднего кармана бумажник торчал, крокодиловой кожи. Или, может, черепаховой – короче, богатый лопатник, блестящий.

– Пищик, Лёха, Серый, в кусты! – скомандовал Мюллер. – Бухан, отстал на десять метров.

И пошел к машине, не спеша, вразвалочку.

Серый из кустов смотрел – сердце колотилось. Неужто в натуре на гоп-стоп мужика возьмет? Это ведь не у пацанят возле школы гривенники трясти, это статья, «разбой» называется.

А москвич хоть и оглянулся на звук шагов, но ничего такого не подумал. Мюллер собой не ахти какой страшный: рыхлый такой белобрысый пацанок, коротко стриженный, во всем черном. На шпану не похож.

Настоящая фамилия у старшего «зондеркоманды» была Мельников, по-немецки «Мюллер», как в кино про Штирлица. Он был задвинут на фрицах. Себя велел звать «группенфюрером», язык сломаешь. Пацанов с Куйбышевской улицы всегда называли «зонтовскими» – из-за кафе «Дружба», где летом на улице зонты выставляют. Так Мюллер переделал по-своему, сказал: «Мы теперь будем не зонтовские, а зондеркоманда, ясно?» «Зондеркоманда», конечно, красивее, кто спорит.

Короче, подходит Мюллер к дядьке, остановился, сказал ему чего-то или, может, спросил. Мужик, не оборачиваясь, ответил. Тогда Мюллер как размахнется – и хрясь ребром ладони по наклоненной шее. Тот так и шмякнулся мордой в бампер. А сзади уже Бухан подлетел, и ногой, ногой.

Когда Серый с остальными подбежали, лопатник был уже в руках у Мюллера, а Бухан дядьку за щиколотки выволакивал – тот с перепугу под тачку полез.

Мюллер документы раскрыл, прочел вслух фамилию, имя-отчество, адрес.

– Гляди, – говорит мужику, – мусорам стукнешь, тебе капут.

А по дядьке видно было, что никуда он не стукнет – до того перетрухал.

Только канючил:

– Ребят, паспорт с правами отдайте, а?

Дал ему Мюллер вместо паспорта ботинком по ребрам, кинул выпотрошенный лопатник, и все дела.

После поделил бабки, целых пятьдесят пять рублей: тридцатник себе взял, пятнадцать рублей Бухану. А Лёхе, Пищику и Серому чирик на троих. Еще и сказал:

– Эх вы, шестеренки. Прибежали на готовое. Фольксштурм какой-то, а не зондеркоманда. Один Бухан – боец, и у того вместо башки кастрюля.

Что такое «фольксштурм», Серый не знал, но что в городе «зонтовские» числились не в большом авторитете, это факт. И пацанов маловато, и настоящих быков среди них нет. Бухан хоть и здоровый, но тупой, что правда, то правда. А Мюллер, конечно, знает всякие приемчики типа ребром ладони по шее, но против таких бойцов, как «сычовский» Репа, кишка у него тонка, не говоря уж про Штыка с его «вокзальными».

Однако вломить гаду Рожнову, чтоб не беспредельничал, это Мюллеру раз плюнуть. А уж Серый отработает, отблагодарит.

Эх, раньше надо было додуматься. Стыд мешал. Как расскажешь, что отчим его, шестнадцатилетнего парня, лупцует ремнем по голой заднице и гоняет «под нарами» спать?

Только сейчас Серому стало не до стыда – жизнь приперла. Очень уж страшно было домой возвращаться.

Надо в котельную заглянуть. Может, пацаны еще там трутся. Если уже разошлись, придется к Мюллеру на квартиру идти. Это хреново. Батя у Мюллера солидник, директор мебельного магазина, не разрешает сыну с шпаной водиться. Разозлится группенфюрер, а что делать? Хоть в петлю лезь.

Серый тяжело вздохнул.

Тут радио, будто подслушав его муторные мысли, спросило стихами:

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?

И поперхнулось. Потому что автобус кинуло вбок – до того сильно, что у Серого кепка слетела с головы.

Белая колонна, она же белый столб

Остальных пассажиров тоже качнуло, но дальнейшее произошло так быстро, что вряд ли кто-нибудь из них успел проснуться. Да если и успел, какая разница? Все равно они уже ничего не расскажут.

Роберт Дарновский взглянул вперед, на кабину водителя, и увидел сквозь двойное стекло посреди дороги нечто очень странное: высокую и широкую белую колонну, даже не то чтобы белую, а будто наполненную изнутри ярким-преярким светом. Сама же колонна была вроде как стеклянная, во всяком случае в ней отразились фары.

Сергей Дронов увидел то же самое, только немного в ином ракурсе, и назвал про себя колонну «белым столбом».

Почему шофер так круто рванул влево, было ясно: вылетел из-за поворота, увидел неожиданное препятствие и попытался избежать столкновения. Непонятно другое – зачем в следующий миг он столь же резко вывернул руль обратно.

«Крэзанулся он, что ли?» – мелькнуло в мозгу у Роба.

А Серый подумал просто: «Щас вмажемся».

Оба непроизвольно зажмурились, ожидая услышать звон разбитого стекла, но услышали совсем другие звуки, причем Роб одни, а Серый совсем другие.

Но сначала лучше рассказать, что они увидели.

Открыв глаза (и Робу, и Серому показалось, что это произошло максимум секунду спустя), оба обнаружили над собой беленый потолок с трещинами. Только у Дарновского перед глазами трещины были продольные, а у Дронова преимущественно поперечные и с желтоватыми разводами.

Сходность открывшейся их взглядам картины объяснялась просто: ребята очнулись в одном и том же реанимационном отделении басмановской райбольницы, в двух соседних боксах.

Глава вторая

Симфония-рапсодия

А услышал Роб вот что: многоголосое звучание оркестра, в котором сливались сладостный пилёж скрипок, восторженные всхлипы труб, победное рокотание

ударных и щекочущее душу пение каких-то неведомых ему инструментов. Уже очнувшись, но еще не вполне придя в себя, десятиклассник подумал: «Суперский музон. Хоть и классика, а не занудство. По-своему не хуже, чем «Лед зеппелин». Вивальди, что ли?» И первым делом рефлекторно поискал глазами источник, откуда лилась чудесная симфония-рапсодия, или как она там называлась.

Тогда-то Роб обнаружил и беленый потолок, и крашенные казенной голубоватой краской стены, и стеклянно-металлическую конструкцию, от которой к его забинтованному локтю тянулась трубка. Ни радиоприемника, ни проигрывателя не увидел. Однако метаморфоза, произошедшая с рейсовым автобусом, до того поразила десятиклассника, что он на время забыл о мелодии и захлопал глазами, затряс головой, отчего капельница недовольно булькнула. Музыка, впрочем, не пропала, а словно бы ушла в бэкграунд, как это бывает в кино.

Потом открылась дверь, в палату вошел бородатый человек в белом халате, и симфония-рапсодия сбавила громкость почти до нуля, но все же не стихла.

– Где я? В больнице, да? А что случилось? – спросил Роб каким-то не своим, сиплым голосом.

Врач сел рядом, поправил капельницу, взял пациента за запястье и уставился на часы.

– Повезло тебе, парень. Прямо хоть в музее показывай. От такого удара все внутренние органы должны были полопаться, позвонки к черту переломиться. Кто впереди сидел, все в лепешку, а тебе хоть бы хны. Вон и пульс нормальный. А находишься ты в больнице имени Семашко, в реанимации, то бишь в отделении интенсивной терапии. Но это для подстраховки. Ты целехонек, здоровехонек, хоть завтра в Афганистан, интернациональный долг выполнять. – Бородатый хохотнул, отсоединяя от локтя трубку – Роб поморщился, когда игла вышла из вены. – Домой мы сообщили, ты не волнуйся. Хорошо, у тебя в кармане паспорт лежал. Что же с автобусом-то стряслось, а? К тебе следователь рвется, хочет выяснить. Ты успел что-нибудь разглядеть?

Стихнувшая на время музыка вновь зазвучала громче, и как-то очень лихо, по-заводному. Динамики у них тут где-нибудь, что ли? Вряд ли, откуда в занюханной райбольнице саунд-систем такого качества. Тут явно и долби, и

вуферы, и частотка класса люкс. Чудно. Дарновский повертел головой, но никакой аудиоаппаратуры не обнаружил.

Бородатому врачу он сначала хотел сказать про белую колонну на шоссе, но засомневался. Скорей всего она ему привиделась, уже после того, как потерял сознание. Какая на фиг колонна посреди дороги, да еще стеклянная?

А тут доктор возьми и спроси:

– Чего ты все головой мотаешь? Зрение не двоится? В ушах не звенит, не шумит? Ну-ка, подними подбородок. Сюда смотри. – И взял пациента руками за виски.

Надо сказать ему про музыку, подумал Роб. Но тут вдруг встретился с врачом взглядом и вздрогнул: глаза бородатого вспыхнули зеленым кошачьим огнем, зафосфоресцировали. Это было до того неожиданно и жутко, что у десятиклассника сердце подпрыгнуло чуть не до самого горла.

Музыка умолкла, вчистую. Вместо нее десятиклассник услышал унылый писклявый голос, скороговоркой пробормотавший: «Тень-тере-тень. Щец горячих, тефтелек в судки, дверь на ключ, и граммулечку-другую. Как рукой. Тень-тере-тень».

– Не дергайся. В глаза смотри! – басом прикрикнул на дернувшегoся Роба врач.

Не было в комнате никого третьего, точно не было!

Голосишко запищал снова, прямо в ушах у Дарновского: «Зрачки-то, зрачки. Ефимычу сказать, пускай он. Граммулечку, граммулечку...»

Глаза у доктора пугающим блеском больше не сверкали. Глюк это был, ясно.

– Я тут один в палате? Или еще кто есть? – осторожно спросил Роб, скосившись. Повернуть голову пока не мог – бородатый по-прежнему сжимал ему виски.

– Один. Как фон-барон, – весело ответил тот, убирая руки. – Ну вот что, баловень Фортуны. Следователя я к тебе не пущу. Не нравится мне, как ты мигаешь и башкой трясешь. Пускай тебя главврач посмотрит. Ты отдыхай. Аппетита у тебя

пока нет и быть не может, а я, брат, проголодался. Загляну к твоему соседу, потом пообедаю, и опять к тебе. Ты только не вставай, лежи. Вот звонок, если что – жми на кнопку.

Буги-вуги

Едва врач вышел, Роб вскочил с кровати и как следует исследовал комнату. Все эти чудеса его здорово достали.

Спокойно, сказал он себе. Просто тут тонкие перегородки. Может, вообще фанерные.

Он приложил ухо к одной стене – тихо. К другой – то же самое. Снаружи доносились обычные заоконные звуки: дальний шум улицы, шелест листвы, курлыканье голубей.

Завершив разведку, десятиклассник снова улегся и зажмурил глаза, чтобы отключить зрительные глюки и сконцентрироваться исключительно на слуховых.

Писклявый голос больше не бормотал – уже хорошо. Зато музыка распоясалась пуще прежнего. Скрипочки и духовые ушли, теперь солировали барабаны, задорно подвывало что-то типа гавайской гитары, вибрировал контрабас. Дарновский лежал и трясся от страха за свою поврежденную психику, а неведомому оркестру это было по фигу. Такое отчебучивал – прямо буги-вуги. Впору было вставать и пускаться в пляс. От этого необъяснимого и неуместного аудиовеселья Робу сделалось совсем страшно. Он лег, натянул одеяло до самых глаз.

Когда, гремя алюминиевым чайником, вошла санитарка, обрадовался ей, как родной, хотя была она довольно противная: с бородавкой на лбу, усатая, в разношенных тапках. На лежащего даже не взглянула – наверно, пациенты были для нее вроде мебели.

Налила в стакан блеклого чая, шмякнула на блюдечко два куска рафинада. Потом кряхтя наклонилась, достала из-под кровати утку – та была чистая, Роб ею

не пользовался.

Только теперь санитарка подняла на него глаза и недовольно нахмурилась, будто он в чем-то провинился.

Роб подавился вскриком – глаза у старухи сверкнули такими же зелеными искрами, как недавно у бородатого доктора.

– Чего вскинулся? Припадочный, что ли? – скрипуче проворчала санитарка, без интереса глядя на Дарновского. – Ишь, вылупился.

Еще бы ему не вылупиться! Музыка, терзавшая его барабанные перепонки, пропала, и вместо заводного буги-вуги запел глубокий и звучный женский голос (кажется, такой называется контральто): «Травы, травы, травы неуспе-ели от росы серебряной согнуться...» Песня оборвалась на середине строфы. Контральто произнесло: «Ишь ты, пустая. А после на простыню надует».

– А? Что? – пролепетал Роб, испуганно озираясь.

– Дерганый какой, – пробурчала старуха, отворачиваясь. – Надоели вы мне все во как...

Забрала свой чайник и вышла, шлепая задниками.

И буги-вуги тут же снова вмазало Дарновскому по ушам – так ликующе, так радостно, будто в самом скором времени должен был начаться большой долгожданный праздник.

Роб застонал, зажал уши руками и даже спрятал голову под подушку. Но музыка от этого тише не стала. Скорее наоборот.

И тогда на помощь бедному десятикласснику пришел главный и единственный союзник – рациональное мышление, недаром Дарновский был лучшим учеником выпускного класса одной из лучших столичных школ.

Спокойно, сказал себе Роб. Врач ошибается, я не целехонек и не здоровехонек. Кости у меня целы, но психика в лоскутах. Во-первых, зрительные галлюцинации

– вурдалачье посверкивание глаз у бородатого и у бабки. Во-вторых, галлюцинации слуховые: настырная внутричерепная музыка и несуществующие голоса. Может, и еще какие-нибудь симптомы обнаружатся.

Наверно, у меня контузия или какое-нибудь неявное сотрясение мозга. Надо всё подробно описать главврачу. Ничего, вылечат. Если человек сам сознает, что у него мозги малость съехали, значит, он не полный крэйзи.

И было тут Робу третье явление, кое-что наконец прояснившее. Не всё, конечно, далеко еще не всё, но некую ключевую деталь.

В дверь решительно постучали. Не дождавшись отклика, в палату вошел немолодой, но по-молодежному одетый мужчина: вытертая кожаная куртка, остроносые сапоги с медными оковками, лажовые польские джинсы «Одра». На боку у незнакомца висел квадратный футляр.

– Как самочувствие? – затараторил он прямо с порога и пошел к кровати, заранее протягивая руку. – Корреспондент главной районной газеты Востряков. Это и есть та самая рубашка? – показал он на застиранное больничное белье, в которое Роба обрядили, когда он еще не пришел в сознание.

– Какая та самая? – напрягся Дарновский (не из-за вопроса, а из-за музыки, при постороннем человеке немедленно уползшей на задний план, но жизнерадостности при этом не утратившей).

– В которой ты родился, – хохотнул репортер, стискивая больному ладонь. – Вообще-то к тебе сюда нельзя, даже ментов не пускают, но пресса не знает преград. «На пикапе драном и с одним наганом первыми врывались в города».

Голос у него был под стать внешности – с дребезжинкой, но бодрый, напористый.

На Роба корреспондент не смотрел – возился с диктофоном, который извлек из квадратного футляра.

– Раз, раз. Одиннадцатое мая, между прочим воскресенье. Райбольница. – Перекрутил, послушал, остался доволен. – Ну, счастливчик, рассказывай.

И выжидательно уставился на десятиклассника бесцветными припухшими глазками.

То есть это в первый момент они были бесцветные, а в следующий явственно зазеленели и вспыхнули.

Поскольку это был уже дубль три, Роб не очень-то и удивился, лишь вжался затылком в подушку.

«Москвичок-мозглячок, – протарабанил у него в голове скрипучий голосок. – На Мишку, как его, из «Бэ», Сосновского, нет Сосницкого, похож. Ну давай, бляха-муха, рожай. Батарейка же».

И тут монетка наконец проскочила. Роб, что называется, въехал. Палата начинала говорить разными голосами и нести дребедень всякий раз, когда он встречался глазами с другим человеком и видел зеленые искры.

Ничего от него не добился репортер главной районной газеты, ни единого слова. Роб лежал зажмурившись, чтобы больше не видеть зловещего фосфорного посверкивания. И уши заткнул. От скрипучего голоса таким манером избавился, от музыки – нет.

Как ушел корреспондент, Дарновский не заметил – не до того было.

Спокойно, без паники, мысленно твердил он. Эмоции потом, сначала рациональный подход.

Версия номер один, из области паранормальных явлений. Дело в помещении, оно какое-то не такое. Это палата насылает музыку, превращает обычных людей в оборотней, включает и выключает бесплотные голоса. Место-то особенное – реанимация. Поди, многие на этой самой кровати медным тазом накрылись. Может, я слышу голоса покойников?

Это если идти по мистическому пути.

Теперь попробуем по материалистическому, версия номер два. Еще покошмаристой первой.

От шока в голове у вас, Роберт Лукич, шарики задвинулись за ролики. От этого ты не можешь смотреть людям в глаза – сразу происходит сдвиг по фазе, прёт всякая бредятина. Что звуки идут из головы, а не из внешнего источника, было очевидно: ведь посетители ни голосов, ни музыки не слышат.

Психиатр нужен. И чем скорей, тем лучше.

Роб уже потянулся дрожащим пальцем к звонку, еще секунда, и вызвал бы медсестру. И пришел бы врач, и отправил бы десятиклассника на обследование в психоневрологическую больницу, откуда Дарновский с его уникальными симптомами, наверное, никогда бы уже не вышел.

Всё так и произошло бы, если бы в этот самый миг дверь снова не распахнулась – да так стремительно, что створка с размаху ударилась о стену и в стакане с чаем звякнула ложечка.

Блюз

В бокс реанимационного отделения ворвалась бледная, растерзанная мамхен: кофта застегнута криво, взгляд безумный, в руке авоська с четырьмя бугристыми апельсинами.

– Робчик! Сынулечка! – отчаянно закричала Лидочка Львовна.

– Мама! – еще громче воскликнул свихнувшийся десятиклассник и разрыдался – горько, взхлеб, как не плакал уже, наверное, лет пять.

Авоська упала на пол, желтые шары покатались по линолеуму. Мамхен обхватила перепуганного сына, стала его гладить, целовать в растрепанную макушку. Сама тоже завсхлипывала, сбивчиво заговорила:

– Позвонили, не волнуйтесь, цел, так повезло, так повезло, а я не пойму, чего повезло-то, ах ты, ах ты. Басманово какое-то, райбольница, а я даже не знаю, с какого вокзала. С Киевского, электричка в 12.55, двадцать минут до отхода, а на перроне очередь, апельсины дают, я встала, а сама думаю – не успею, ах ты, ах ты, как будто это имеет значение. Но успела, за минуту до отхода, вот, где они, упали, только килограмм в одни руки, я говорю, мне сыну в больницу, а они говорят, всем в больницу, миленький, господи, я у главврача, только что, Семена Ефимовича, он сказал, всё хорошо, всё обошлось, я даже испугаться не успела...

И стало Робу так хорошо, так спокойно под этот ее поток сознания, и музыка не то чтобы пропала, но стала тихая, умиротворяющая, без барабанной трескотни.

– Мама, да всё нормально, я в порядке, – прогнусавил он в нос, уже стыдясь, что так раскис.

Вытер слезы, надел очки, посмотрел мамхену в глаза...

– Аа!

Затравленно вжал голову в плечи.

Искры! Зеленые! Из глаз! У родной матери!

Ну, это был уже чистый фильм ужасов.

– Что? Что? – переполошилась Лидочка Львовна, но другой голос – хриловатый, с придыханием, заглушил ее причитания: «Ах ты, ах ты, Ефимович этот, ну конечно, райбольница, мальчик мой бедненький, в Первую градскую, там настоящие специалисты, у Зинпрокофьевны брат, ах ты, ах ты, бледненький-то, бледненький, и глазки, как у маленького, когда ветрянкой, машину, в Москву, скорее...»

Замер Роб, прислушиваясь к хриловатому голосу. Еще не окончательно врубился, но уже тепло было, даже горячо. Голос был совсем чужой, незнакомый, но слова мамыны: и это «ах ты, ах ты», и библиотечная начальница Зинаида Прокофьевна, у которой брат заведующий отделением в Первой градской больнице.

Это я мысли мамхена слышу, дошло наконец до отличника. А раньше слышал мысли врача – про тефтели, про граммулечку в запертом кабинете, про какого-то Ефимыча, который, наверное, и есть главврач Семен Ефимович. Нянечка думала про утку и пела. Журналист волновался, что батарейка в магнитофоне сядет, и кого-то я ему напомнил, соученика по школе, что ли.

И происходит эта аномалия, когда я смотрю человеку в глаза. Сначала вижу зеленый сполох, будто искра проскакивает, потом слышу внутренний голос. Как только раньше не допер? Видно, и в самом деле во время аварии здорово башкой стукнулся – мозги плохо работают.

Он стиснул пальцами пылающий лоб. От поразительного открытия всего колотило, а музыка в голове звучала опять не попад – печальная такая, с подвыванием. Чистый блюз.

Глава третья

Костольеты

Серый, очнувшись в больничной палате, тоже услышал кое-что чудное, но не симфонию и не блюз, а звонкое, сухое пощелкивание примерно следующего звучания: «То-так, то-так. То-так, то-так».

Сначала, пока в голове не прояснилось, он подумал: часы тикают. Но через минуту-другую, когда малость оклемался и оглядел белую комнату, увидел, что никаких часов нет. Тогда допер: ё-моё, это ж у меня в башке щелкает!

Постукивание было лихое, звонкое. Где-то он такое уже слышал. И до того важным показалось вспомнить, где именно, что ни о чем другом в первые минуты Серый думать просто не мог. Наверно, не вполне еще очухался.

Короче, поднатужился, вспомнил.

По телеку, вот где. Тетки испанские плясали, отщелкивали пальцами. Ну, не пальцами, а там у них такие костяные стукалки, как их, блин.

Костольеты, что ли.

Вспомнил – и тут уж окончательно пришел в себя. Задумался, что за комната такая, да почему он в койке лежит, и что это за хреновина, от которой к его руке шланг тянется.

Но голову ломал недолго. Пришел бородатый врач и всё Серому разъяснил.

Что автобус, на котором он ехал, грохнулся. Что Серому и еще какому-то пацану повезло, а всех остальных пришлось с асфальта соскребать.

Неужто мы об стеклянный столб так приложились, хотел спросить Серый, но тут доктор велел ему разинуть рот и высунуть язык – особо не побазаришь.

– Ты Сергей Дронов, правильно? – говорил врач, давя на высунутый язык ложкой. – Так в студенческом билете сказано. Нашли твой адрес, позвонили. Там какой-то мужик пьяный. Отец что ли? Или сосед?

Когда бородатый вынул ложку, Серый хмуро ответил:

– Отчим.

То-так то-так, то-так то-так, постукивали костольеты.

– Ну, а как общее самочувствие, везунок? Не мутит? В глазах не двоится?

– Да вроде нормально, – сказал Дронов и сдуру ляпнул про стук в голове.

Врач сразу бровями зашевелил, придвинулся. Оттянул одно веко, потом другое. Крякнул. От бородатого несло водярой, вчерашнего распива. Этот запах Серому был хорошо знаком.

– Стук, говоришь? С эхом или нет? Хм. Не нравится мне это. Энцефалограмму мы тебе сделали, вроде бы проблем нет. Но с психикой шутки плохи. Такая авария – это, брат, не комар чихнул. Провериться надо. Кости-мышцы у тебя целы, внутренние органы тоже, ушиба головы нет, так что мариновать тебя здесь незачем. После обеда перевезем тебя в Бузыкино, в психоневрологическую больницу. Там с тобой поработают специалисты, обследуют. Мало ли что.

И давай в тетрадке строчить, только ручка заскрипела.

Серого аж в холодный пот кинуло. Слышал он про бузыкинскую психбольницу. Рожнов там в ЛТП две недели отмокал. Говорит, хуже, чем зона строгого режима. Санитары резиновыми палками по почкам лупят, кормят помоями, а чуть пикнешь – могут засадить хоть на десять лет, без суда, без помиловки. А пацаны рассказывали, что в Бузыкине над психами опыты ставят. Типа вколют нормальному человеку, ну, может, немножко нервному, какую-нибудь хренотень или таблетками потравят, и он становится на всю жизнь идиотом. Да Серый и сам, еще когда маленький был, лазил в дурдом через забор – на психов поглядеть, похохотать. Ходят там доходяги в драных халатах, кто руками машет, кто плачет, кто волосы себе ерошит. А раньше, наверно, были люди как люди.

– Может, тебе курс укольчиков пропишут. Или таблеточек поглотаешь. Слуховые галлюцинации – это, Сережа, серьезно, – строго сказал бородатый, закрывая тетрадку с приговором.

Как услышал Серый про укольчики-таблеточки, сердце от ужаса чуть из груди не выпрыгнуло.

И стук в башке перешел со спокойного «то-так то-так, то-так то-так» на пулеметно-быстрое «токо-так, токо-так, токо-так».

– Не поеду в Бузыкино! – выкрикнул он. – Не имеете права!

Врач очень медленно поднял голову.

– Чтооо тыыы скаазааал? – протянул он чудным голосом – лениво-прелениво, вращаяжечку.

Дернул раму. Она, видно, совсем старая была, ветхая – слетела с петель. И стекло посыпалось. Ну и хрен с ним!

Был Серый в трусах и больничной рубашке. По улице особо не пройдешься. А что делать?

Надел он казенные клеенчатые шлепанцы, чтоб об осколки не обрезаться. Подоконник накрыл одеялом.

Прыг-скок, и оказался снаружи. Вроде никто не видел.

Через больничный двор еле-еле полз грузовик.

Серый, согнувшись, припустил вдоль длинного корпуса.

Потом – рывок через газон к забору. Подпрыгнул – удачно так, с первой попытки за кромку ухватил. Легко перемахнул на ту сторону, спрыгнул на тротуар и только тогда перевел дух, съехал с нерва.

Хрен вам, а не Бузыкино.

И костольеты тоже успокоились, отстукивали уже не «токо-так», а прежнее неторопливое «то-так, то-так».

Уф!

Теперь надо было прикинуть, куда податься.

Домой бы. Одеться по-нормальному и ноги уносить, пока из больницы не приехали в психушку отправлять.

Но дома отчим.

Как быть?

Здесь Серый вспомнил, что в автобусе, перед самой аварией, пришла ему в голову идея: попросить Мюллера, чтоб пуганул Рожнова, навалая гаду по хлебальнику.

Время было подходящее, третий час. Пацаны наверняка уже подтягиваются к котельной, где у «зондеркоманды» стыкалово или, как велит называть Мюллер, штаб.

От больницы до котельной недалёко. Можно и в трусах дошлепать.

Чумовая затыка

Сначала показалось, что повезло. В штабе он застал Бухана с Вовчиком, а скоро подвалил и сам Мюллер. И нормально так встретили: ахали, по плечу хлопали, говорили, что теперь Серый, мать его, сто лет проживет и всё такое. Но когда, отозвав группенфюрера в сторонку, он заговорил о главном, получился облом.

– Ты чё, с дуба упал? – удивился Мюллер. – Какой мне навар с твоим отчимом разбираться? Я тебе чё, фигаро-здесь, фигаро-там? Ты команду в свои семейные базары не мешай. Это твоя заморочка, не моя.

Под перестук насмерть засевших в голове костольет («то-так, то-так») Серый тоскливо смотрел на железный крест, выглядывавший из-под мюллеровской кожанки. Группенфюрер хвастал, что крест настоящий, якобы с фрицевского скелета, найденного в лесу, на болоте. Но скорей всего брехня. У него тетка двоюродная на «Мосфильме» работает. Сперла, поди, со склада, где у них костюмы и цацки всякие.

– Куда же мне? – тихо сказал Серый. – Дома Рожнов который день квасит. Больница ментов пришет, в дурдом везти. А у меня, сам гляди, ни шмоток, ни бабок. Вообще пустой. Ни копя.

– Ладно, пятерку одолжу, пока перекантуешься, – расщедрился группенфюрер.

А пацаны кое-как приодели. Вовчик сбегал, принес кеды старые и рубашку, Бухан притаранил из гаража отцовский комбинезон, весь черный от масла.

Оделся Серый, снова к Мюллеру подошел. Не хотелось упрашивать, а надо. Опустил голову, попробовал сызнава:

– Слышь, ну хоть пугануть бы его, гада, а? Сказал бы ему типа «еще раз Серого тронешь, на ножи поставим», а? Он труханет, точно. Обдрожится весь.

Группенфюрер не ответил. Тогда Серый поднял глаза и увидел, что у Мюллера у самого дрожит нижняя губа – отвисла и дрожит. А смотрел старшой «зондеркоманды» куда-то поверх дроновского плеча.

Тут Серый приметил, что и остальные «зонтовские», кто в котельной был, тоже примолкли. Бухан насупился, а Вовчик моргает и весь белый стал.

Обернулся Серый – и тоже сморгнул.

В дверях котельной стояли четверо «сычовских»: Арбуз, который при ихнем старшом, Репе, первый помощник, и с ним быки. Одного звать Скок, другой Брыка, а кликуху третьего Серый не знал – сутулый, в кепаре-восьмиклинке, и клешастые руки висят чуть не до колен.

Рожи у всех четверых были такие, что у Серого противно заходили колени.

– Чего, «зонты», деловыми стали? – спросил Арбуз и сплюнул. – Мужика на бетонке ты, Мюллер, гоп-стопнул? Разве тебе Репа не говорил: сиди на своей Куйбышевке, не рыпайся? Где Куйбышевка и где бетонка, а? Чумовая затыка вышла, сам виноват. Ответишь.

– Ты чего лепишь? – попробовал держать понт Мюллер. Цапнул зубами губу, чтоб не дрожала. – Какого мужика?

– Не гони. Ты сработал, больше некому: блондинистый, весь в черном. Мужик в ментуру заяву накатал, майору Евдокимову. Тот Репу вызвал, говорит: ничего не знаю, бетонка – это у тебя. Бабки мужику вернуть и ксиву, не то сам знаешь. Значит, так, баклан. Ксиву отдаешь, пятьдесят пять тоже. Плюс два раза по

пятьдесят пять сверху. Штраф.

Выходит, пошел-таки побитый дядька в милицию! Подставил захудалых «зонтовских» самому Репе, бригадиру «сычовских», с которыми только свяжись – света не взвидишь.

Хоть своих четверо и тех тоже, но про махаться нечего было и думать. Такой бычара, как Арбуз, один бы всех уделал, он лежало запросто сто восемьдесят жмет, Серый сам видел.

– Да где я столько бабок возьму? – сбавил тон «зонтовский» группенфюрер. – Три раза по пятьдесят пять! Это сколько? Сто шестьдесят пять рваных!

– А не хочешь в.....? – набычился Бухан и, сжав кулаки, шагнул навстречу «сычовским».

Арбуз, не вынимая рук из карманов, сбоку, страшным по силе и скорости ударом ноги врезал Бухану в пах. Тот согнулся пополам.

Дубина безмозглая! Теперь из-за него всем кости переломают!

От страха костольеты, поселившиеся в голове у Серого, забыли про «то-так» и вмазали по черепу дробным «токо-так, токо-так!».

– Бей их, пацаны! – приказал Арбуз своим.

Хотел Серый рвануть к выходу, проскочить между «сычовскими», но не рассчитал – налетел плечом на Арбуза. А паршивей всего было то, что Арбуз то ли каблуком зацепился, то ли еще что, но от толчка опрокинулся навзничь. И, похоже, крепко приложился затылком.

От ужаса Серый замер на месте.

Третий из «сычовских» быков, который с неизвестной кликухой, медленно повернулся к Серому, ощерил зубы и с пугающей неторопливостью занес кулак.

Тогда, взвизгнув, Серый толкнул его в грудь, пулей вылетел из котельной и дунул через двор. Бешеный стук костольет гнал его прочь, как зайца.

Вот теперь ему точно был конец.

Товарищей бросил на убой – раз.

Дурдом на хвосте – два.

Плюс дома Рожнов.

Из Басманова надо уносить ноги – куда глаза глядят. Здесь Серому жизни больше не будет.

Только домой все равно нужно заглянуть. Куда поедешь чучелом, в промасленной спецовке? И на какие шиши? Мюллер пятерку дать так и не успел. Хоть сколько-нисколько у мамки денег перехватить. Ну и попрощаться.

Может, Рожнов уже упился и задрях?

Токо-так!

Но и здесь Серому не сvezло. Видно, вся его везуха потратилась на аварию.

Ключом открыть дверь он не мог – ключ остался в больнице, вместе с одеждой и документами. Пришлось звонить.

Открыла не мать – Рожнов. Он был в шароварах, в обвисшей на плечах майке. Серый сразу понял, что отчим находится на самом поганом этапе запоя: спать не может, есть тоже, даже табаку дыхалка не принимает. Только глушит ханку и бесится.

Как увидел Серый у Рожнова незажженную папиросу в углу рта, глаза в красных прожилках, лиловый отлив щек, так сразу внутри всё и упало. И костольеты

снова перескочили на пулеметный стрекот.

– А-а-а-а, явиилсяааа, – пропел отчим, издевательски растягивая звуки. – А бреехааали, чтооо под автобус поопааал. Надуууть хотееелиии? Рожнооовааа еще никтооо нее надуувааал. Зааходиии, миил чеелоовеек, гооостееем бууудешь.

Медленно, со вкусом стал отводить правую руку, сжимая пальцы в кулак. Уверен был, сволочь, что никуда Серый не денется. Не посмеет ни убежать, ни даже закрыться от удара. Не торопился, растягивал удовольствие.

Мохнатый кулачище двинулся к лицу Серого, целя точно в нос. Это у Рожнова, когда особенно осатанеет, такая манера: сначала ослепить ударом в нос, чтоб ты захлебнулся кровью, потом левой под дых, дальше сшибет на пол локтем по затылку, ну а напоследок отработает ногами, сколько запалу хватит.

Но сегодня что-то очень уж вяло он разворачивался. Должно быть, перепил. Серый успел присесть, и кулак со всего маху двинул по косяку. Хряснуло солидно так, смачно.

– А-а-а, ёооо... – заматерился было отчим, но Серый, боясь второго удара, толкнул его ладонью.

Не сказать чтоб сильно, однако Рожнов отлетел в коридор, бухнулся об стену и сел на пол.

Глаза у него недоверчиво выпучились. Из разбитой об дверь кисти сочилась кровь. А рожа из красной, злобной, вдруг стала серой, напуганной.

И сделалось тут Серому очень хорошо, просто-таки замечательно.

Он подошел и двинул отчиму ногой по уху – голова мотнулась влево.

Потом с другой стороны – голова дернулась вправо.

Рожнов зажмурился и захрипел.

– Еще когда хавало на меня разинешь – хребет сломаю. А за мать вообще убью! – пообещал Серый. – Узнаю, приеду и убью.

Перешагнул через съездившегося отчима и пошел в комнату. Взял аттестат за восьмилетку, свидетельство о рождении (паспорт, жалко, в больничке остался). Одежи прихватил.

Потом на кухню двинул. Очень жрать хотелось.

Только пусто было в холодильнике, шаром покати. В окно светило яркое солнце, Серый от него сощурился.

Хоть воды попить.

Из водопроводного крана выдулся радужный пузырек. Медленно, очень медленно полетел вниз, со звоном ударился о жель раковины. Цок!

Токо-так, токо-так, токо-так! – откликнулась бешеная дробь в висках.

Глава четвертая

Опыты

В Первой градской, куда мамхен перетащила-таки сынулю из райбольницы, диагноз подтвердили: физических травм нет, а про удивительную психическую аномалию Роб помалкивал. Был приглашен знаменитый неврологический профессор Кацнельсон, но Дарновский изо всех сил изображал естественность и в глаза светилу старался не засматриваться – боялся, что выдаст себя, если снова увидит зеленые искорки. Кацнельсон тем не менее что-то такое унюхал. Может, именно из-за того, что десятиклассник упорно отводил взгляд.

Приговор светила был таков:

– Сильное потрясение, но это неудивительно. Последствия столь серьезной психической травмы непредсказуемы. Существует так называемый SS, Survivor Syndrome, очень сложное и недостаточно изученное наукой явление. Ясно одно: как всякому, кто выжил в катастрофе, вам предстоит заново выстраивать отношения с жизнью. Вы как бы родились во второй раз, вернулись в состояние новорожденного младенца. Вам предстоит снова учиться всему: ходить по улицам, ездить в транспорте, налаживать отношения с окружающим миром. Не суетитесь, не подгоняйте себя. Процесс это медленный, чреватый всякого рода рисками и неожиданными открытиями.

И Роб воспользовался советом профессора, даже не подозревавшего, до какой степени он попал в точку.

Новорожденным младенцем десятиклассник Дарновский себя не чувствовал. Тут скорее было уместно другое сравнение: вроде как жил человек до семнадцати лет слепым и вдруг прозрел, научился видеть – ну, пускай, не весь окружающий мир, а окружающих людей. И они оказались вовсе не такими, как этот человек воображал себе на основании данных слуха-нюха, осязания и чего там еще, ах да, вкуса.

Люди были одновременно и проще, и сложнее, чем Роб думал. А главное, страшнее.

Взять того же Кацнельсона. Один разок заглянуть ему в глаза все же пришлось – когда тот светил в зрачки фонариком. Ну, разумеется, вспыхнули искры. И раздался настоящий голос профессора, дряхлый-предряхлый, как у столетнего старика. «Выжил, – тоскливо сказал спрятанный в психоневрологе старикашка. – Зачем выжил? Заурядный, некрасивый, прыщи, лживые глазки. А Мишенька... Лучше бы этот лежал с раздавленным лицом... Стоп. Стоп. Стоп. Спокойно».

На «заурядного» и «некрасивого» Роб страшно оскорбился, но потом, уже после консультации, узнал от заведующего отделением (того самого, брата Зинпрокофьевны), что у светила в прошлом году сын разбился на мотоцикле – его переехала автофура. Кацнельсону этому теперь, наверно, на всех молодых парней смотреть тошно, успокоил себя Дарновский.

А когда ехали из больницы домой, вышло еще хуже. Ненарочно, само получилось, заглянул мамхену в глаза и подслушал такой текстик – чуть не

рухнул: «Слава богу, всё хорошо, всё хорошо, домой, винегрет, рассольничек, котлетки его любимые, потом в кровать, доктор про крепкий сон, и можно к Рафику, можно, теперь можно, ах ты, ах ты, трусики поменять, лифчик черный, с кружавчиками...»

Роб пришел в ужас. Рафик – это наверняка Рафаил Сигизмундович, мамин однокурсник, плешивый, с пузечком, весь воротник в перхоти. Что-то он в последнее время в гости зачастил, но Робу, конечно, и в голову не приходило. У мамхена любовник?! Лифчик с кружавчиками? Это в сорок четыре года?!

Мамхен додумывала что-то такое вовсе порнографическое, но Роб зажмурился, затряс головой.

– Что? Что? Голова болит? – переполошилась мамхен. – Я хотела вечером в библиотеку заскочить, в каталоге поработать, но если тебе нехорошо...

– Нет, мне жутко хорошо. Лучше не бывает. После катастрофы-то, – мстительно сказал он.

В общем, с самого начала стало ясно, что жизнь с Подарком Судьбы (так Роб окрестил свою новообетенную способность) это не только розы. Штуковина занятная, но в то же время и опасная. Можно такого наслушаться, что не зарадуешься.

Об этом он и думал в первый послебольничный день – как жить дальше.

С музыкой, которая теперь звучала в нем неумолчно, прямо rock around the clock[2 - круглые сутки рок (англ.)], Дарновский свыкся довольно быстро. Она была с ним все время, даже во сне. То мелодичная, то по-авангардистски нервная, то вовсе как ногтем по стеклу. Через пару дней он ее уже почти не замечал. Ну, лабает себе и лабает, непосредственного отношения к действительности этот акустический феномен не имел. Такой концерт без заявок радиослушателей. Единственное – Роб начисто перестал гонять маг, а до аварии только и делал, что кассеты менял. Диско не признавал, только хард-рок или, под настроение, Элвиса. Однако на внутреннюю музыку механическая никак не ложилась, получалась фигня. Если нон-стоп, начавшийся в башке 10 мая, не прекратится, маг и кассеты можно продавать, больше не понадобятся.

Но музыка – хрен с ней. Куда больше Роба занимал Подарок. Инструмент это был многообещающий, но в обращении явно непростой, требующий навыка. К тому же не снабженный инструкцией по эксплуатации.

Именно этим – освоением своих новых способностей – Дарновский и решил заняться, благо времени было достаточно, брат Зинпрокофьевны дал жертве катастрофы освобождение от занятий до самого конца учебного года.

В школе про аварию, конечно, узнали. Звонила и классная руководительница, и староста, и даже Регинка, но Роб велел мамхену к телефону его не подзывать. Ну их всех в болото, тут, как говорит принц Гамлет, имелся магнит попритягательней.

Итак, механизм Дара (это слово звучало, пожалуй, лучше, чем Подарок) в сущности прост, размышлял десятиклассник. Достаточно встретиться с кем-то взглядом, а потом слышишь его мысли и внутренний голос, который может дать ключ к пониманию самой сути этого человека.

Теоретическая часть, таким образом, была более-менее ясна. Теперь требовалось проверить ее на практике. Укрепить экспериментальную базу.

С опытами на живом мамхене Роб завязал, себе дороже. Лучше потренироваться на посторонних.

И вот день полевых испытаний настал.

Утром, едва Лидочка Львовна ушла на работу, обладатель Дара, отчаянно волнуясь, предпринял первую вылазку, пока недалнюю – в собственный подъезд, к почтовым ящикам. Стоял, кряхтел, лязгал замочком, вроде как ключ застрял.

Первые двое жильцов забрали почту, не повернувшись к школьнику и, стало быть, не подставив ему взгляда. Потом спустилась толстая тетка с пятого что ли этажа, и Роб нарочно громко с ней поздоровался. Она обернулась всего на каких-нибудь полсекунды – оказалось, что для прочтения (вернее, прослушивания) мыслей хватает и этого. Подслушанная мысль, правда, была не шибко содержательная: «С восьмого, что ли. Или с седьмого. Сын этой, библиотечарши.

Сахар, сахар. И творог, если есть».

Тут было важно вот что. Про сахар и творог тетка додумывала, уже отвернувшись, а все равно было слышно, только голос стал потише. Значит, всё время пялиться человеку в глаза не обязательно? Подглядел, потом отвернулся, а голос какое-то время продолжает звучать. Так-так.

О'кей, вышел Роб во двор и провел Эксперимент-2: на миг встретился глазами с дворником и засек по часам, сколько времени слышит чужие мысли без визуального контакта. Оказалось, что если отключиться от посторонних звуков и малость поднапрячься, то довольно долго – целых 25 секунд. Так что наслушался и про собак, которые гадят где ни попадя, и про их хозяев, которых надо бы мордой в собачье дерьмо, и про какого-то Лифанова, который если сегодня не отдаст трояк, то надо ему рыло начистить. Робу сейчас всё было интересно, даже про Лифанова.

Осмелевший и охваченный исследовательским драйвом, он вышел на людную Новогиреевскую улицу, с жадным любопытством заглядывая встречным в глаза.

Ни единого сбоя! Если удавалось перехватить чей-то взгляд, в нем непременно мелькала зеленая искра и тут же раздавался внутренний голос.

Многое из подслушанного было непонятно. Оказывается, большинство людей думают коротенькими обрывками фраз, отдельными словами, причем довольно часто словами несуществующими, очевидно, придуманными для семейного, а то и вовсе сугубо личного употребления. У Роба в его внутреннем, не предназначенном для посторонних лексиконе тоже имелись такие словечки. Например, «крыс» – это про человека с неприятным, хищным фейсом. Или «ляка» – про фигуристую герлу. К примеру, подслушал бы кто-нибудь, как он вон про ту парочку подумал: «Такая ляка, а с таким крысом», тоже ни фиги бы не врубился.

Поразительней всего было то, что люди совершенно не чувствовали, что встречный паренек копается у них в головах. Даже жалко их стало, дурачков доверчивых. Понятия не имеют, как это опасно – подставлять свой взгляд чужому человеку.

Один встречный оказался прибалтом – не то латышом, не то эстонцем. Его внутренний голос Роб тоже услышал, но ни банана не понял, лишь уловил общее

ощущение тревоги и выхватил слово «прокуратура». Выходит, люди думают на определенном языке?

Чтобы проверить, специально съездил на улицу Горького, к гостинице «Националь», и долго топтался там, подслушивая иностранных туристов. Расстроился, потому что в англоязычных мыслях почти ничего не разобрал, несмотря на спецшколу.

А потом приключилось одно событие, вроде само по себе малозначительное, но произшедшее в жизни Роберта Дарновского прямо-таки революционный переворот.

Возле «Националя» подошел к нему человек в штатском, взял за рукав:

– Ты чего тут маячишь? У иностранцев шмотки клянчить собрался? А ну дуй отсюда. – Потом незнакомец вдруг сбавил тон, фальшиво улыбнулся. – Или я зря на тебя бочку качу? Может, просто знакомого ждешь?

Но, посмотрев ему в глаза, Роб услышал: «Интеллигентик, такие по мелочи не фарцуют. Не шурши, товарищ лейтенант. Тут, может, щука. Не спугнуть. Третьего вызвать, этого в отделение и потрясти».

Что такое на внутреннем языке товарища лейтенанта означало слово «щука», Роб не знал, но догадался – наверное, «серьезное дело» или «крупная добыча». Ну, а про «третьего» ясно.

– Дяденька, я хотел значок поменять, – прикинулся Роб идиотом и ткнул пальцем на лацкан куртки, где у него всегда висела эмблемка «Спартак». Болельщиком Дарновский не был, в гробу он видал футбол, а значок носил, чтоб новогиреевская шпана, сплошь спартаковские фанаты, не приставала.

– Я тебе поменяю. – Взгляд лейтенанта потух, мысль же прозвучала следующая: «Ёлки, до обеда еще два часа». – Вали отсюда. Чтоб больше я тебя тут не видел.

Так Роб, во-первых, избежал крупной неприятности, а во-вторых, дотумкал, что Дар, если применять его с толком, способен приносить практическую пользу. Даже странно, что очевидную вещь он сообразил не сразу, а ведь считал себя

умным.

И тут в голове десятиклассника началось такое броуновское движение, что он утратил сон и аппетит.

Следующие четыре дня он не выходил из дому, с утра до вечера разгуливая по комнате и натываясь на стены. От перспектив захватывало дух. С умением читать чужие мысли и видеть всякого человека насквозь можно было достичь многого, очень многого.

На пятый день Роб объявил мамхену:

– Всё, хорош бездельничать. Я здоров. Завтра пойду в школу.

Закат Солнцева

На встречу со свидетелями его колиногорского конфуза Роб шел, стиснув зубы. Нарочно дождался звонка – не хватило храбрости войти в класс до появления учителя. Вся надежда была на то, что история с катастрофой как-то поумерит пыл насмешников. Для пущей жалости любовник леди Кулаковой забинтовал себе голову, а руку повесил на черную перевязь (это уже для импозантности).

Постоял минуту перед дверью, собираясь с духом. Постучал.

– Ну кто там еще? – раздался суровый голос Бориса Сергеевича. – Входи. А если бы ты на поезд или самолет опоз...

Но, увидев просунувшийся в щель забинтованный лоб, учитель смягчил выражение лица.

– А-а, Дарновский. Выписали? – Видно было, что хочет человек сказать что-нибудь сочувственное, но не умеет. Такой уж Борис Сергеевич был сухарь, недаром его прозвали Тутанхамоном. – Ладно, будем надеяться, до свадьбы заживет, – неуклюже пошутил он, проявив чудеса человечности.

– Не успеет, – громко сказал с места Петька Солнцев. – У Дарновского свадьба совсем скоро. С одной леди.

Роб помертвел. Этого-то он и боялся. Неужто весь класс в курсе его позора?

Однако фыркнул только Сашка Луценко, солнцевский прилипала. Больше никто даже не улыбнулся, в том числе из бывших на Регинкиной даче. На Роба и его липовые раны смотрели сочувственно, а кое-кто из девчонок жалостно сморщился.

А чего это Солнцев так нарывається, подумалось вдруг Робу. Странно. Все-таки одноклассник, можно сказать, с того света вернулся. Что-то тут не так.

Он внимательно посмотрел в улыбающуюся физиономию обидчика. Один глаз Солнцева вызывающе подмигнул, потом оба глаза сверкнули, и раздался прерывистый голосок, тоненько прошелестевший: «Знает или нет? Фигня. Откуда ему».

– Знаю, знаю, – вслух сказал Роб и тоже подмигнул, хоть так и не понял, чего Солнцев боится.

Петька заморгал. Ага! В десятку!

– Что ты знаешь? – рассеянно спросил Борис Сергеевич. – Садись за парту. Продолжим урок. Итак, начнем, как обычно, с блиц-опроса по хронологии.

Дарновский занял свое место, но вправо, где сидела Регинка, пока не смотрел. Для этого надо было собраться с мужеством.

С исторической наукой успехи у Роба были хуже, чем с остальными предметами. Производительные силы, производственные отношения, классовая борьба – это еще ладно, но на зубреж дат память у него была неважнецкая. Кроме того, имелось у него нехорошее подозрение, что Борис Сергеевич собирается засадить ему во втором полугодии (а стало быть, и за год) четверку, и тогда прощай, медаль.

Когда учитель, подняв глаза от журнала, спросил:

– Добровольцы есть? – Роб сразу поднял руку.

– Хм, безумству храбрых, – промурлыкал Борис Сергеевич, глядя на него поверх очков своими серыми глазами. – Ну-с, Сан-Стефанский мир.

«Восемьсотсемьдесятвосьмой», – тут же проговорил мягкий, с подсюсюкиванием голос.

– 1878-й, – уверенно произнес Роб.

И дальше пошло как по маслу: задавая вопрос, учитель мысленно давал на него ответ. Чего проще?

– Восстание Пугачева?

– 1773–1775.

– Отлично. Отмена крепостного права.

– 1861.

– Может, и число вспомнишь?

– 19 февраля.

– Ну, а... взятие Измаила?

– 1790-й.

– Молодец. Я вижу, Дарновский, авария твоим мозгам только на пользу пошла.

А сюсюкающий голос прибавил: «Пятерку, конечно, пятерку, и пошел он к черту. Это подонком надо быть. Парень чудом жив остался».

Борис Сергеевич, насупившись, поставил в журнале закорючку, а Роб призадумался: кто «он»? Неужели директор? Это он требует от Тутанхамона,

чтоб поломал Дарновскому медаль? Так-так, учтем.

Весь остаток урока он готовился к тому, чтобы встретить взгляд Регины. Что он там прочтет? Жалость? Насмешку?

И как только прозвенел звонок, решительно повернулся вправо.

Но Регина, до сего момента то и дело на него поглядывавшая (он видел это боковым зрением), быстро опустила голову. Вид у нее был виноватый.

Вокруг все грохотали стульями, щелкали портфелями, тянулись к выходу, а Роб и Регина оставались на местах.

Коротко ответив тем, кто спрашивал его о самочувствии («Да нормально всё, башка только немножко и руку стеклом порезало, фигня»), Дарновский ждал, когда они наконец останутся вдвоем.

Не дождался.

Подошел Петька, оказывается, тоже не спешивший на перемену, крепко взял Роба за руку повыше локтя и прошипел в ухо:

– Чего это ты знаешь, дрочила?

Дарновский посмотрел на него снизу вверх, прочел в голубых глазах угрозу. И смятение. Внутренний голос Солнцева дрожал: «Неужели видел? Не может быть! Он же ни разу не повернулся».

Так и не въехав, что это он мог видеть и куда ни разу не повернулся, Роб шепнул:

– Видел, Петюнчик, всё видел. Но ты не трясись, я никому не скажу.

На красавца-спортсмена стало жалко смотреть – так он посерел и сник.

Чувствуя, что победил, хоть и не понимая, каким образом, Роб покровительственно шлепнул Солнцева по щеке – раз, второй. И тот ничего, стерпел.

– Ладно, Петушок, гуляй, у меня тут разговор.

И вот ведь загадка: Солнцев только носом шмыгнул. Молча вышел, оставил Роба вдвоем с Регинкой.

Она по-прежнему сидела, опустив лицо. Грудь под черным школьным фартуком быстро поднималась и опускалась – пришлось напомнить себе: в глаза смотреть, не на сиськи.

– Ты прости меня, – тихо сказала королева класса. – Это я во всем виновата. Из-за меня ты чуть не погиб. Надо было на Петьку, дурака, не орать, а сразу за тобой погнать. Чтоб извинился, привел назад. Он перехватил бы тебя у автобусной остановки, и ничего бы не случилось.

– А он ходил за мной? – удивился Роб.

– Да. Но ты уже уехал. Ведь, наверно, минут десять прошло.

Вот в чем дело, сообразил Роб. Я на остановке не десять минут, а больше получаса торчал. Значит, Солнцев меня видел, но звать назад не стал. И теперь психует, заметил я его тогда или нет. Ведь получается, что это я из-за него на дачу не вернулся и в катастрофу попал. И это всё, из-за чего он трясется? Выходит, слабак Петька. То-то у него голос такой хлипкий.

– Прости меня, ладно? – повторила Регинка. – Ну пожалуйста.

Наконец подняла глаза, на ресницах посверкивали хрусталем две слезинки. Нет, не хрусталем – изумрудинками.

«Пойдет звонить, что его с дачи выгнали. Или еще хуже – затравили. Нет, не будет звонить. Он треснутый», – сказал незнакомый женский голос – не злой, не добрый, а самый что ни на есть обыкновенный, скучноватый.

Роб нахмурился: что такое «треснутый»? А, в смысле втрескался в нее. Такое у Регинки, значит, словечко для учета поклонников.

– Я и в самом деле чуть не погиб из-за тебя, – строго сказал он. – И ты это отлично знаешь. Нам есть о чем поговорить.

Регинкины мысли запрыгали в панике: «Папа! Нехорошо. По шерстке. Не здесь! Ирка!»

Последнее несомненно относилось к Ирке Сапрыкиной, которая как раз сунула в дверь любопытную физиономию.

– Давай после уроков встретимся, – тихонько, чтоб не услышала Ирка, проговорила Регина. – Знаешь, где? – Она на секунду замолчала, глядя в сторону. «Интимчик, ля-ля, мур-мур, за ушком, как шелковый». – В химлаборатории, у меня ключ.

– Ладно.

Регина всё косилась на Сапрыкину, и дальнейших ее мыслей он уже не слышал. Да тут и музыка в голове вмазала такой туш, такой марш Мендельсона, что Роб на время оглох, не веря своему счастью.

Да мог ли он раньше о таком даже мечтать? Тет-а-тет с самой Регинкой Кирпиченко! С обещанием «интимчика» и «мур-мура»!

Ах, какие чудесные возможности открывал перед ним Дар!

Карбонат натрия

Ключом от лаборатории Регинка владела на совершенно законных основаниях – как председатель школьного клуба «Юный химик».

Каморка, все стены которой были заставлены шкафами с колбами, ретортами, пробирками и прочими склянками, находилась на последнем этаже, рядом с актовым залом. Для свидания место просто супер.

После шестого урока, когда школа опустела, Роб с отчаянно колотящимся сердцем поднялся по лестнице, проскользнул мимо полуоткрытой двери зала, где репетировал вокально-инструментальный ансамбль «Школьные годы».

– Раз-два, раз-два, – донесся гулкий микрофонный голос. – Поехали. «Когда уйдем со школьного двора под звуки нестареющего ваальса, учитель нас проводит до угла...»

Роб болезненно поморщился, особенно когда завизжала электрогитара. Даже заткнул уши – плохо стал переносить всякую музыку кроме своей собственной. Тем более что внутренний оркестр в данный момент исполнял для единственного слушателя что-то многообещающее и томное, с восточными подвываниями.

Тук-тук-тук, тихонько постучал влюбленный десятиклассник в дверь лаборатории.

Легкие шаги, поворот ключа. Шепот: «Давай, входи скорей».

Неожиданность номер раз: впустив Роба и заперев дверь, Регинка отошла к окну и отвернулась. Как, спрашивается, ей в мысли заглядывать?

Пришлось начинать наугад, что называется на таланте.

– Я всё время о тебе думал, – начал Роб тихо, проникновенно. – Даже когда в реанимации лежал, под капельницей. Как ты могла? Я ведь тогда с дачи ушел не потому что обиделся. Просто противно стало. Петька, инфузория одноклеточная, сморозил пошлость, и все обрадовались, заржали. Все-то ладно, плевать мне на них, но ты, ты ведь тоже улыбнулась! Почему? Ты же не такая, как они. Не пошлая.

Говоря всё это, он пристроился сбоку от нее. Ждал, когда посмотрит.

Наконец дождался.

Взглянула искоса, всего на секунду, и снова повернулась профилем, но хватило и секунды.

«Хороший, умный и треснутый по полной. Жалко, шульдик», – услышал Дарновский.

Смешался. Что такое «шульдик»?

Напрягся, чтобы не упустить гаснущий голос. Разобрал еще вот что: «Если б не прыщи на лбу. И очки, конечно – кошмар».

С прыщами он поделаться ничего не мог, а очки снял, потер рукой (той самой, что на черной перевязи) веки – устало так, печально. Красивый жест, в кино видел. Заодно растрепал волосы, чтоб опустились на лоб, прикрыли следы чрезмерной активности сальных желез.

И помогло!

Когда Регинка взглянула на него во второй раз, Роб услышал: «Вообще-то он ничего. Глаза печальные. Ресницы».

Тут Дарновский допустил ошибку – просиял улыбкой. И Регинка сразу чуть-чуть отодвинулась. «Сейчас. Слюнявыми губами».

Ах, так?

Он нарочно запыхтел, придвинулся ближе, будто и в самом деле собрался чмокнуть ее в щеку. На самом деле Роб только что сделал важное открытие: после второго соприкосновения взглядами он поймал ее внутренний голос цепче, и теперь тот уже не умолкал, хотя Регинка на поклонника больше не смотрела. Оказывается, на мысли собеседника можно настраиваться, как на радиоволну? Интересно!

«Но чтоб без обид. Типа ты классный, но не в моем духе. Нет: ты классный, но не это, а друг. Точно, что-нибудь про дружбу...»

– Это что, карбонат натрия? – спросил Дарновский, заинтересованно разглядывая банку с какой-то синеватой дрянью.

– Нет, это кристаллы сульфата меди. «Ура, без поцелуйчиков. Хотя чего это он?»

Отлично: она испытывает не только облегчение, но и разочарование. Самолюбие задето. Так держать.

Он отодвинулся, но не резко, а потихоньку, чтоб не соскочить с волны.

Помолчали, но не отчужденно, а по-дружески. И мысли у Регинки повернули в правильном направлении: «Правда, хороший. Не делон, это ясно. Без вариантов. Но друг. Книжки там. Ля-ля по душам».

Я тебе дам «ля-ля», прищурился Дарновский. А что такое на ее языке «делон»? Наверно, парень, который годится в лаверы. Ладно, киска, сейчас тебе будет и Делон, и Бельмондо в придачу.

– Ты что про Людку Дейнеко думаешь? – спросил он про красивую девчонку из класса «Б», с которой у Регинки было давнее соперничество.

– А что? «При чем тут Людка? Чего это он?» – И повернулась, взглянула на него. Но Роб нарочно на нее не смотрел, придал фейсу мечтательность.

– Красивая, – вздохнул он. – На Брук Шилдс похожа.

– Дело вкуса. Ты ее в раздевалке не видел... «Тоже еще. Сиськи в прожилках. Жалко, нельзя. Или сказать?»

– В раздевалке? Ничего бы не пожалел. Бюст у нее – я себе представляю, – закатил глаза Роб.

Настоящий Регинкин голос взволнованно затарахтел: «Так он не треснутый? Или в Людку? Бюст! Это у нее-то? Он что, слепой?»

– Как у козы вымя, – вслух сказала школьная королева, скривив губы.

- Ну да? - не поверил ей Роб.

И забарабанил пальцами по стеклу - типа неинтересно ему с ней стало. Или, может, о Людке Дейнеко задумался.

Регинка выдержала недолго, с полминуты.

«Профиль у него ничего. Ну ты у меня сейчас. Людка, да? Людка? Ну-ка, на полную катушку».

Легонько тронула его за плечо, медовым голосом пропела:

- Робчик...

«Давай, давай, повернись. Руку ему на плечо. В глаза туман. Посмотреть секундочку, и взгляд вниз. Грудь пых-пых. Сработает. Но не чересчур, а то лизаться полезет».

- А? - рассеянно спросил он, оборачиваясь. - Чего?

Ее лицо было совсем близко. Глаза затуманены (это она слегка ресницами похлопала, чтоб белки увлажнить), шестой номер так и ходит туда-сюда, губы приоткрыты. Между мелких ровных зубов высунулся кончик языка.

Но Роб на охмурез поддаваться не спешил. Держал паузу.

Она начала паниковать: «Не работает? Не работает! Другой бы поцеловал. Ну! Ну! Ну пожалуйста!»

И лишь дождавшись этого самого «пожалуйста», он решительно обнял ее за плечи и, как пишут в старых романах, прильнул устами к устам.

Перед этим еще раз заглянул в глаза. Контакт? Есть контакт!

«А, а, то-то! Вот тебе, Людка! Хорошо! Отодвинуться! Еще пять секунд и хва... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Не так же, дурак! Как Петька, кончиком

по верхней».

Как это кончиком? Чего кончиком – языка? Провести по верхней губе, что ли?

Он попробовал.

«Да глубже, неужели непонятно?»

Вас понял. Он просунул язык подальше, провел по ее губе, но с внутренней стороны, и сразу был вознагражден.

«Наконец-то! И сюда, сюда. Да! Лучше, чем Петька, лучше! А рукой туда! Только не как Петька, всё испортит. Туда, а не туда!»

Это было уже сложновато. Куда «туда» и куда «не туда»?

Дарновский на миг оторвался от ее губ, подсмотрел в глаза, и сразу стало ясно, куда лезть ни в коем случае нельзя, а куда необходимо, причем как можно скорей.

«Не туда» это грудь. Должно быть, из-за шестого номера всякие петьки первым делом тянутся к бюсту, а ей это не нравится.

«Туда» – это спина, вот уж никогда бы не дотумкал.

Он расстегнул пуговицы на школьном платье, погладил голое тело над застежкой лифчика, и кожа покрылась благодарными мурашками.

«Ой, ой, хорошо. А теперь туда. Нет, робкий, побоится».

Но Дарновский не побоялся.

Приподнял подол платья, немножко поплутал рукой в каких-то шелковых тряпках и резинках, однако заблудиться уже не боялся – внутренний голос Регинки подсказывал, куда двигаться.

До цели не добрался, потому что совсем близко, за дверью грохотнуло жестью, а по полу сочно зашлепала тряпка.

– Тетя Маша! Убирать пришла! – выдохнула Регинка и высвободилась.

Ее лицо было покрыто румянцем, губы распухли и стали густо-красного цвета.

– Приходи в субботу. Мои уедут на дачу, а я останусь, скажу, надо к экзаменам готовиться, – слегка охрипшим голосом сказала она, приводя в порядок детали туалета, скрытые под платьем. – Придешь?

«Там никто не помешает», – договорили глаза с неестественно расширенными зрачками.

Домой Роб шел, слегка пошатываясь, будто поддатый. Он и в самом деле слегка опьянел.

Во-первых, от невероятной, фантастической победы в химлаборатории. Правда, кайф малость подмачивала мыслишка, что Регинка досталась ему не по-честному, да и сама она от всей этой возни как-то девальвировалась. Раньше была королевой, выражаясь возвышенным слогом, владычицей грез. А превратилась в какого-то робота с инструкцией по применению: нажал на кнопку один – пищит, погладил панельку два – мурлычет. Что в субботу он эту леди Чаттерли трахнет – без вопросов.

Это ладно.

Куда сильней пьянило сознание, что его Дар в сто, в тысячу крат драгоценней, чем казалось вначале.

С помощью своего Дара Роб мог достичь всего, чего пожелает. Он был властелином мира!

Саморамашел, или Всемирно-историческое значение ВОСР

Как уже было сказано, после выпускных Роб собирался сначала ткнуться на филфак, а когда срежется, спарашютировать в Пед имени Ленина. Но властелину мира киснуть в этом простоквашном заведении было не к лицу, и Дарновский принял до безрассудства смелое решение: поступать в МГИМО, причем прямо на факультет международных отношений, в самый что ни на есть бластной заповедник, где две трети мест заранее расписаны, а остальные зарезервированы для выпускников рабфака. По слухам, «с улицы» в этот царскосельский лицей пробивалось максимум два-три человека, из медалистов.

Значит, медаль нужно было добыть, кровь из носу. Проблема заключалась в том, что по разрядке золотой кругляшок выдавался один на школу, а в параллельном классе «Б» училась Милка Зайчицкая, дочка члена политбюро. Между прочим, тоже отличница, так что медаль Робу никак не светила, даже если историк Борис Сергеевич проявит принципиальность.

Прежний Дарновский посопел бы и утерся, но теперь, когда фамилия Роба открыла свой сокровенный смысл (происходила она от слова «Дар», тут без вариантов), сдаваться без борьбы не подобало.

Милка была очкастенькая, тихая, похожая на мышку. Никто к ней не клеился – и не потому что страхолюдная, а потому что папани боязно. Не говоря уж про то, что Зайчицкую в школу привозили на большой черной тачке, и потом до конца уроков в раздевалке сидел охранник, решал кроссворды.

Роб подошел к Милке на перемене и сразу взял быка за рога.

– Слушай, она тебе нужна, эта медаль? – укоризненно спросил он, глядя августейшей мышке в глаза.

«О чем он? Какая медаль?», – с искренним удивлением спросил нежный, запинаящийся голос.

– Какая медаль? – сказала Милка вслух. Внешний ее голос, увы, звучал хуже внутреннего.

– На которую тебя директор с завучем тянут. Потому что перед твоим отцом прогнуться хотят. Ты же и без медали куда хочешь поступишь, тебе только пальцем ткнуть.

Она часто-часто замигала.

«Как стыдно, господи, как стыдно, неужели правда?»

– Ты это точно знаешь? Про директора с завучем?

– Точно.

«Зачем он мне это?»

– А... а зачем ты мне это говоришь?

– Затем, что тебе эта позолоченная медяшка на фиг не сдалась. А для меня она единственный шанс поступить туда, куда я хочу. Но портреты моего папы на демонстрациях по Красной площади не носят, поэтому медаль дадут тебе.

«Он честный. Не врет. Не такой, как другие. И глаза».

Услышав про глаза, Роб сглотнул. Ёкэлэмэнэ, а ведь захочу – моя будет. Дочка самого Зайчицкого! Главное, девка вроде хорошая. Что думает, то и говорит, первый раз такую вижу.

Но шикнул на себя: стоп, задний ход. Для трали-вали она не годится. Во-первых, крокодилина. Во-вторых, как бы башку не отвинтили. А про законный брак думать еще рано. Ничего, с Даром я любую царевну отхвачу, успеется.

– Что... что мне делать? – тихо спросила Милка. – Ты скажи, я сделаю.

«Вот если бы такой. Да, именно такой...»

– Пойди к директору и скажи: очень прошу вас медали мне не давать, папе это не понравится. Я тебе этого никогда не забуду.

И посмотрел на нее выразительно так, даже проникновенно.

– Хорошо... – Бледные щеки дурнушки зарозовели.

В общем, получил Роб свою медаль. Никакая она оказалась не золотая – легонький металлический кружок, покрытый микронным слоем позолоты. Не важно, зато это был ключ к воротам заколдованного замка. Верней, только первый из ключей.

Медалистам полагалось сдать два экзамена – сочинение и английский, набрав в сумме минимум 9 баллов. Но главное рубливо в МГИМО происходило на так называемом Собеседовании, еще до всяких экзаменов. Там тебя могли спросить о чем угодно, а то и просто завернуть без объяснения причин. Оставляли только своих, «списочных», да для разбавки некоторое количество терпил, которые потом не пройдут по баллам.

И вот настал тот день кровавый. В аудитории, куда вошел бледный и решительный Дарновский, за столом сидела комиссия из трех человек: посередине щекастый председатель с огромной, будто раздутой башкой и зачесом на малиновой лысине; по бокам еще двое, парень и баба, но на них Роб едва взглянул. Ясно было, что основняк тут Щекан Зачесович. Бой Руслана с Головой, бодрясь сказал себе Роб, разглядывая бугристую проплешину председателя.

Услышав фамилию абитуриента, тот вдруг заулыбался, приветливо сощурил припухшие глазки.

«Дарновский, Дарновский... кажется, был такой, точно был...»

Чего-чего? Где это я был?

Роб насторожился.

Но председатель полистал блокнотик, насупился.

«Нет, тут Тарновский. А это Дарновский. Ну и шнобель, еврей что ли, вот наглая нация, МГИМО ему подавай. Что бы ему такое вчекалдычить?»

И вчекалдычил:

– Ну, молодой человек, расскажите нам про всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, по пунктам.

Вопрос был подлый, каверзный. Все эти чертовы пункты нормальный человек ни за что не упомнит, какой-нибудь обязательно пропустит.

Начал Роб резво:

– Великая Октябрьская социалистическая революция открыла пути решения коренных проблем, выдвинутых всем ходом мировой истории: о будущем обществе, о социальном прогрессе, о войне и мире. Подтвердила ленинскую теорию социалистической революции...

Потом, пункта примерно с десятого, сбавил темп, давая Щекану возможность включиться – мысленно подсказывать.

И всё пошло путем, закончил, как под диктовку:

– И последний, шестнадцатый пункт: Великая Октябрьская социалистическая революция послужила вдохновляющим импульсом для развития новых, революционных форм гуманистического искусства.

«Вот зараза. Ничего, я тебе про нацосвдвижение».

– Ну как же, – расстроено развел руками председатель. – Как можно было не упомянуть о таком факторе глобального значения...

– Да-да, – перебил его Роб. – Великая Октябрьская социалистическая революция явилась переломным рубежом в развитии национально-освободительного движения и положила начало кризису колониальной системы.

«Вот... – неожиданно проскочило в мыслях Зачесовича матерное слово, – с языка снял, засранец».

Он с неудовольствием покачал головой:

– Поживей надо, поуверенней. Ведь это Великая Октябрьская социалистическая революция. Ладно, дадим вам еще шанс.

Попробовал срезать по датам, но это был пустой номер, после Бориса-то Сергеевича.

Тогда гнусный Щекан зашел с другого фланга – стал спрашивать имена руководителей братских партий.

Но для Роба и это была ерунда, просто повторяй за внутренним голосом «Густав Гусак, Николае Чаушеску, товарищ Хонекер», и все дела.

Однако когда в ход пошли лидеры афро-азиатских стран, выбравших некапиталистический путь развития, экзаменуемый занервничал. Это уже было чистой воды хамство. Уделает его щекастый барбос, возьмет не мытьем так катаньем.

– ...Саморамашел... Менгистухайлемариам, – повторял он вслух за внутренним председателевым голосом (кстати сказать, преотвратным) белиберду, сам же лихорадочно шевелил мозгами.

Нужно было переходить от обороны к наступлению, иначе вылетишь в аут.

Он впервые переключил внимание на остальных членов приемной комиссии, которые за все время не произнесли ни слова.

Ухоженная, миловидная женщина средних лет смотрела на мученика с явной симпатией. «Бедненький, всё знает. Какая все-таки несправедливость...» Эта и рада бы, но помочь не может. Ну ее.

Посмотрел на молодого мужика. Наверно, аспирант. Пялится на Роба с интересом, даже с азартом. «Вундеркинд! Умотал Бегемота. Давай, очкарик, пусть покрутится». И на этого надеяться не приходилось. Как и баба, сидит тут для мебели.

А Бегемот (подходящая кличка) уже начинал беситься. Его внутренний голос сыпал матюгами всё гуще. «Умник..., наверняка еврейчик. По документам мама-

папа русские, ..., наверняка бабушка какая-нибудь Сара Моисеевна... Точно – мать вон Лидия Львовна. Хм, Львовна».

– Вы извините, что я лезу с советами, – со сконфуженной улыбкой сказал Роб. – Но вы бы меня лучше на логические способности проверили. Я ведь понимаю, как это важно для будущего дипломата. А память у меня феноменальная, по наследству досталась. Мой дедушка по матери, Лев Иванович Соколов, был шахматный гроссмейстер.

Это он, положим, приврал, но в пределах допустимого: дед был всего лишь чемпион Свердловска. Про бабушку Маро Ашотовну, наверное, лучше было не поминать. Вдруг Бегемот армян тоже не любит.

Тот вытер лоб платком. «Господи Иисусе, как же я устал от всей этой хреномудии. На выходной плащик старый, шляпу на глаза и на электричке в Лавру, святым мощам поклониться, с отцом Евлампием душой очиститься».

И по жирному фейсу скользнула тень умиротворенной улыбки. С Евлампием? Так-так.

– А дедушка по отцу, – продолжал играть в наивняка Дарновский, – у меня вообще всю Библию наизусть знал – и Ветхий Завет, и Новый. Дьячковский сын, а до архиерея выслужился.

Здесь Бегемот хищно прищурился.

«Врет! Попался!»

– Да будет вам известно, молодой человек, что архиереи относятся к монашествующим, то есть дают обет безбрачия и детей иметь не могут. М-да, у вас слишком развита фантазия. Тем, кто любит приврать, в Московском государственном институте международных отношений делать...

– Так он после революции перешел на сторону советской власти, – простодушно улыбнулся Роб. – Расстригся, женился. Ему тогда уже за пятьдесят было.

Вот это было сущей правдой. Если желаете, можете проверить. Повезло дедушке Серафиму – тихо доработал бухгалтером на швейной фабрике до 37-го года, а там опять подфартило: не арест, а всего лишь insult.

И дрогнуло тут что-то в мутной душе председателя приемной комиссии. Помог Робу покойный дедушка-архиерей.

«Мальчишка-то на нестеровского отрока Варфоломея похож».

– Живопись любите? – уже другим, помягчевшим тоном спросил Бегемот.

– Очень, – внаглую попер Роб. – Особенно художника Нестерова. Не поверите, бывает приду в Третьяковку – часами смотрю, оторваться не могу... А больше всего люблю картину с отроком Варфоломеем. Знаете? В душе что-то такое поднимается, словами объяснить трудно.

Председатель грозно высморкался. Пошевелил бровями.

«.....! Была не была! Уж одного-то. В крайнем случае, Тарновский-Дарновский, скажу, перепутал. Захотят – пускай на экзаменах валят. Парень-то золото».

Вышел Роб с собеседования весь употевший, но довольный.

Во дворе ждала Регинка, вся испереживалась. У нее-то было всё схвачено, место на экономфаке папа-торгпред ей застолбил железно.

– Ну что, Робчик?

– Нормально.

– Ура!

Обняла его, поцеловала взасос – еле оторвал. Абитуриенты смотрели на Дарновского с завистью: такая Мерилин Монро на шею вешается, а он еще кобенится.

Регинка деловито прошептала:

- У меня ключи от дачи. Поехали, отметим?

Вот ведь пиявка ненасытная. Что он, нанялся?

То на квартиру к ней тащись, то на дачу. Никакого здоровья не хватит.

- Нет, теперь надо к экзаменам готовиться.

Сочинение про Павку Корчагина он написал осторожненько, чтоб ни одной описочки. Получил, само собой, не пятерку, а четверку - «за недостаточное раскрытие содержания», больше не нашли, к чему придраться.

А за английский тревожиться не приходилось, он был устный.

Экзаменаторша стародевического вида, со скрученной на макушке русой косой, беззащитно помаргивала накрашенными глазами, да еще и очки на кончик носа сдвинула, крольчатина.

Дарновский по-удавьи улыбнулся, мысленно пропел: «Гляжу я на русые косы, ловлю твой доверчивый взгляд».

Вслух же сказал, с чувством:

- Good morning! What a nice day we are having today! [З - Добрый день! Какая сегодня чудесная погода! (англ.)]

Глава пятая

Зиг хайль

Когда вернулся из кухни в коридор, отчима там уже не было, только на линолеуме темнело несколько капель крови.

Это Рожнов правильно скумекал. Была у Серого задумка съездить падле по рылу еще пару раз. И заодно тряхануть, не значил ли где трояк или хотя бы рублевик.

Торопиться надо было. Как бы менты не нагрянули. И еще говорят, есть такая психическая неотложка, санитары там хуже мусоров. Скрутят – не вздохнешь.

Про «сычовских» и думать было страшно. Поди объясняй, что не нарочно Арбуза толкнул. Не кого-нибудь – самого Арбуза! За него «сычовские» такую охоту устроят – не факт, что жив останешься.

Ну и со своими, «зонтовскими», немногим лучше. Что «сычовские» Мюллера с пацанами круто отметелили, это железняк. А за дроновский толчок вдвойне. Отвечать придется.

Серый поежился, вспомнив, как Мюллер одного парня из команды на разбор поставил. А тот куда меньше виноват был. Всего лишь общак потерял, восемнадцать рублей с копейками.

Суд группенфюрер провел в котельной, по всей форме. Сам сел на ящик, весь в черном, пацаны встали у него за спиной, а Мешок (так парня того звали) торчал перед ними всеми один, руки по швам. Прощения просил, обещал бабки за неделю добыть.

Мюллер же только улыбался – нравилось ему судьей быть. Объявил приговор и тут же велел привести в исполнение. Каждый по очереди подошел к осужденному и плюнул в рожу, а утираться нельзя. Потом Мешок должен быть встать в дверях, наклониться, и Мюллер его с разбегу вышиб пинком из котельной. И объявил остальным: мол, Мешок теперь недочеловек и всякий честный пацан, встретив его во дворе, может и даже обязан дать ему в глаз.

Не снес Мешок такой житухи, через неделю завербовался на стройку, Байкало-Амурскую дорогу прокладывать.

Серый тоже умотал бы на любую стройку, только бы к Мюллеру на разбор не попасть. Но как без паспорта?

Короче, кругом выходила сплошная засада.

Одна оставалась надежда – на мамку. Теперь, когда ее из детсада выперли, она уборщицей в столовке пристроилась, временно. Хоть покормит чем-ничем, жрать охота. И может, займет у кого-нибудь для сына трешницу.

Из дома Дронов взял всё, что можно толкнуть: рожновскую электробритву, альбом с марками (до шестого класса собирал, потом бросил), клюшку с автографом Балдориса. Но клюшку можно было только кому-нибудь из своих продать, кто знал, как Серому прошлой зимой после матча ЦСКА – «Динамо» Рига сфартило к хоккеистам в раздевалку пролезть. Чужой не поверит, поди докажи, что не сам фломастером накалякал.

Из подъезда выскочил навьюченный, как верблюд. Через плечо клюшка, на ней узел с барахлом.

Вдруг со скамейки навстречу поднимается Мюллер. Воротник поднят, руки в карманах. И что удивительно – рожа чистая, без синяков.

– Зиг хайль, Серый. Куда намылился?

Серому капут

– Шайбу гонять? Так зима вроде кончилась.

Страшней всего группенфюрер был, когда говорил таким вот кошачьим голосом и растягивал толстые губы в полуулыбочке. У подъезда караулит! Может, и остальные тут?

Дронов осторожно повел глазами туда-сюда, однако других пацанов не обнаружил. Какую же казнь придумал для него Мюллер за трусливый драп с разборки?

– Ну ты дал, – покачал головой группенфюрер. – Удивил.

Повесив голову, Серый ждал. Будь что будет. В первую секунду хотел бросить клюшку и дунуть через двор, но вдруг скис, будто воздух из него вышел.

– Как ты Арбуза-то, а? На руках унесли. И Краба уронил – прямо в нокаут. Чего раньше-то темнил, что так махаться можешь?

Издевается, что ли?

Но нет, Мюллер смотрел безо всякой насмешки, с боязливым восхищением.

Подошел, пощупал бицепс, пожал плечами.

– Вроде пацан как пацан. А так вмазал, что я толком и не разглядел. Как Брюс Ли, честное слово.

– Кто?

– Китаеза один, дерется классно. У бати на видео кино есть, придешь ко мне – покажу.

У Серого от удивления челюсть отвисла, даже не спросил, что такое «видео». Чтоб группенфюрер кого-то к себе домой приглашал? Такого еще не бывало.

– Проучили «сычовских» классно. Будут помнить. – Мюллер озабоченно нахмурился. – Только тут вот какая хреновина. Брыка, когда уходил, сказал: «Ну, зонты, за это по-взрослому ответите. Ждите». Я ему: «Репой пугаешь? Да мы его на мелкой терке натрем». Так и сказал.

– Натрем? Репу? – ужаснулся Дронов.

«Сычовский» Репа был самый знаменитый боец на все Басманово. Даже Штык, бригадир «вокзальных», первой из басмановских команд, его стороной обходил. Репе двадцать лет, но в армию его не взяли, потому что судимость. Это он еще когда в ПТУ учился, одному парню с Кларыцеткин в драке хребет сломал, пацана

того теперь бабка на улицу в коляске вывозит. А на прошлый первомай Репа быку одинцовскому, когда по земле катались, нос вчистую отгрыз, врачи пытались назад пришить – не смогли. Так, говорят, и ходит одинцовский с повязкой поперек рожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Летний вечер на Елисейских Полях, долгожданное тайное свидание... (англ.)

2

круглые сутки рок (англ.).

3

Добрый день! Какая сегодня чудесная погода! (англ.)

Купити: <https://tellnovel.com/boris-akunin/fantastika>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)